

КНИГА ПЕРВАЯ. В ПУТИ

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА

САГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

CoRpus

Юрий Львович Слёзкин
Дом правительства. Сага
о русской революции.
Книга первая. В пути
Серия «Дом правительства. Сага
о русской революции», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42625973

*Дом правительства. Сага о русской революции / Юрий Слёзкин: АСТ :
CORPUS; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-100477-4*

Аннотация

Юрий Слезкин рассказывает историю Советского союза через историю одного из самых известных, показательных и трагических его символов. Дом правительства, он же Первый Дом Советов, он же легендарный Дом на набережной. Здесь жила элита СССР. Ученые и писатели, актеры и партийные деятели, маршалы и изобретатели, всемогущие тираны и их жертвы, те, кого с восторгом ждали у подъезда ради автографа, и те, чье имя боялись произносить даже на кухнях. Демьян Бедный и Александр Серафимович, Светлана Аллилуева и

Василий Сталин, Лаврентий Берия и Никита Хрущёв, Алексей Стаханов и Артём Микоян, Георгий Жуков и Иван Баграмян, Юрий Трифонов и Павел Постышев, Михаил Тухачевский и Василий Блюхер. В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей дома были репрессированы. Во времена большого террора некоторые квартиры меняли по несколько хозяев в месяц. «Дом правительства» – это документальная история о том, как зарождался, развивался и погибал этот дом. А вместе с ним и вся страна.

Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	17
Книга первая	19
Часть I	19
1. Болото	21
2. Проповедники	65
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Юрий Слёзкин

Дом правительства. Сага о русской революции

Книга первая. В пути

Рисунки на обложке Франческо Бонджорни (Artwork by Francesco Bongiorno)

Дизайн суперобложки Крис Ферранте (Jacket design by Chris Ferrante)

Фотографии предоставлены Музеем Дома на набережной
за указанными в подписях исключениями

© Yuri Slezkine, 2017

© Ю. Слёзкин, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, макет, 2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

Издательство CORPUS ®

18+

* * *

Это исторический труд.

Любое сходство с литературными

персонажами – случайное совпадение.

Написан он был задом наперед: сначала по-английски, а потом по-русски.

мефистофель:

*Чуть дух покинет тело, договор
Ему представляю, кровью подкрепленный,
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу незаконно!*

**Иоганн Вольфганг фон Гете, Фауст,
перевод Б. Пастернака**

Иногда Валену казалось, что время, зависшее в неопределенном ожидании, остановилось и застыло. Сама идея задуманной им панорамы, чьи разрозненные, рассыпанные образы преследовали его ежесекундно, заполняя сны и пробуждая воспоминания, самая мысль о развороченном доме с оголенными трещинами прошлого и развалинами настоящего, об этом беспорядочном скоплении историй – грандиозных и комичных, игривых и жалких – ассоциировалась у него с нелепо громадным мавзолеем, воздвигнутым в память о статистах, застывших в финальных позах, равно незначительных в своей торжественности и банальности. Как будто он хотел разом предотвратить и задержать медленные или внезапные смерти, грозившие настичь всех жильцов, этаж за этажом: мсье Марсиа, мадам Моро, мадам де Бомон, Бартлбута, Роршаши, мадмуазель Кресси, мадам Альбен, Смотфа.

*И, разумеется, его самого, Валена, старейшего
обитателя дома.*

Жорж Перек, Жизнь, способ употребления

Предисловие

В годы первой пятилетки советское правительство построило социалистическое государство и плановую экономику. Тогда же оно построило себе дом. Дом правительства располагался на Болоте и состоял из одиннадцати корпусов различной высоты, окружавших три сообщающихся двора с фонтанами посередине.

Дом был задуман как компромисс между революционным авангардом и социалистическим реализмом и как проект «переходного типа» на полпути от индивидуализма к коллективизму. Строгий функционализм и чистые линии сочетались с массивным объемом и неоклассицистическим фасадом; 505 квартир соседствовали с банком, магазином, почтой, телеграфом, столовой, амбулаторией, прачечной, парикмахерской, детским садом, теннисным кортом, гимнастическим залом и несколькими десятками комнат для различных видов досуга, от бильярда и шахмат до рисования и репетиций оркестра. Со стороны Москва-реки комплекс завершал Государственный Новый театр на 1300 мест; со стороны Водоотводного канала – кинотеатр «Ударник» на 1500 мест.

Дом предназначался для наркомов, замнаркомов, комиссаров, чекистов, иностранных коммунистов, ученых-марксистов, писателей-соцреалистов, красных директоров, старых большевиков и других «ответственных работников»,

включая секретаря Ленина и родственников Сталина.

В 1935 году в Доме правительства числилось 2600 жильцов. Около 700 из них были членами правительства, имевшими право на квартиры того или иного размера. Остальные, в том числе 588 детей, были членами их семей. Обслуживанием жильцов, дворов и корпусов занимались от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и других рабочих и служащих (в том числе 57 сотрудников администрации здания).

Это был тыл авангарда, частный мир общественных деятелей, место, где жили революционеры и умерла революция.

В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей Дома были выселены по обвинению в терроризме, двурушничестве и социальной чуждости. Все были признаны виновными. Триста сорок четыре человека были расстреляны, остальные приговорены к разным видам заключения.

В октябре 1941 года оставшиеся жильцы были эвакуированы. Вернувшись, они нашли больше соседей и меньше руководителей. Дом по-прежнему принадлежал правительству, но перестал быть его убежищем. После крушения СССР соседняя площадь снова стала Болотной.

* * *

В книге три этажа. На первом – семейная сага о жителях

Дома правительства, которые функционируют как персонажи эпоса или люди в повседневной жизни: некоторых мы видим и вскоре забываем, некоторых смутно припоминаем, некоторых узнаем, но плохо знаем, а с некоторыми хорошо знакомы и рады или не рады увидеться снова. Но, в отличие от персонажей большинства эпосов и людей в нашей жизни, ни один не является центральным. Главные герои «Дома правительства» – дом и правительство.

Второй этаж – аналитический. В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. В последующих главах различные эпизоды большевистской семейной саги соотносятся с фазами эволюции неисполнившегося пророчества, от первого пришествия до великого разочарования и многократно отложенного судебного дня. По сравнению с другими апокалиптическими сектами большевики замечательны масштабом успеха и недолговечностью веры. Они завоевали Рим задолго до того, как вера стала привычкой, но не сумели превратить привычку в традицию, которая могла бы стать наследственной.

Третий этаж – литературный. Для старых большевиков чтение «сокровищ мировой литературы» было обязательной частью обретения веры, ритуалов ухаживания, тюремных «университетов» и домашней повседневности. Для их детей оно было любимым видом досуга и главным критерием образованности. В «Доме правительства» эпизоды большевистской семейной саги и фазы эволюции неисполнившегося-

ся пророчества сопровождаются обсуждением литературных текстов, сыгравших важную роль в их интерпретации и мифологизации. Ключевые темы этих текстов – великий потоп, исход из Египта, реставрация Вавилонской башни и болото быта – становятся элементами истории Дома правительства. Некоторые литературные персонажи помогали его строить, некоторые в нем жили, а один – Фауст Гёте – был признан идеальным жильцом.

История Дома правительства состоит из трех книг. Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

Книга вторая, «В Доме», описывает возвращение революции в облике первой пятилетки; строительство Дома правительства и всего Советского Союза; разделение труда и пространства в отдельных квартирах; размышления о смерти и преемственности на пороге вечности и слияние прошлого с будущим в волшебном царстве «счастливого детства».

Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабили-

рованных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

Все уровни, темы и мотивы сходятся в эпилоге о прозе Юрия Трифонова, который превратил дом своего детства в символ большевистской саги, памятник утраченной вере и сокровище мировой литературы.

* * *

Некоторые жители Дома правительства были важнее других благодаря партийному стажу, месту в номенклатуре и особым заслугам. Некоторые герои этой книги важнее других, потому что они или их близкие позаботились о жизни после смерти.

Один из руководителей Московского восстания и председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Александр Аросев (кв. 103 и 104) вел дневник, который сохранила его сестра и издала одна из дочерей. Идеолог левого коммунизма и первый председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Осинский (кв. 389, 18) в течение двадцати лет переписывался с Анной Шатерниковой, которая сохранила его письма и отдала его дочери, которая, в свою очередь, передала их в архив и написала воспоминания. Видный литературный критик и куратор советской литературы 1920-х годов Александр Воронский (кв. 357) написал несколько книг воспоминаний и стал героем мемуаров своей

дочери и многочисленных современников. Директор лаборатории Мавзолея Ленина Борис Збарский (кв. 28) обессмертил себя, увековечив тело Ленина. Его сын и коллега Илья Збарский написал книгу о себе, отце и Мавзолее. «Совесть партии» и заместитель генерального прокурора Арон Сольц (кв. 393) много писал о коммунистической этике и приютил свою племянницу, дочь которой написала о нем книгу и передала рукопись в архив. Об обвинителе на процессе Филиппа Миронова в 1919 году Иваре Смильге (кв. 230) много рассказывала его дочь Татьяна, унаследовавшая его красноречие (но не его веру). Председатель Главного управления мукомольно-крупяной промышленности, «пекарь» Борис Иванов (кв. 372), остался в памяти жителей Дома правительства благодаря своему чрезвычайному великодушию.

Лева Федотов, сын покойного инструктора ЦК и пролетарского писателя Федора Федотова (кв. 262), вел дневник, потому что считал, что «все важно для истории». Инна Гайстер, дочь заместителя народного комиссара земледелия Арона Гайстера (кв. 162), опубликовала подробную «семейную хронику». Анатолий Грановский, сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского (кв. 418), попросил убежища в США и написал воспоминания о работе секретным сотрудником НКВД под командованием Андрея Свердлова, сына первого главы советского государства и организатора красного террора, Якова Свердлова. Будучи молодым революционером, Яков Свердлов на-

писал несколько подробных писем матери Андрея, Клавдии Новгородцевой (кв. 319), и своей юной последовательнице, Кире Эгон-Бессер. Обе женщины сохранили его письма и написали о нем воспоминания. «Пекарь» Борис Иванов написал воспоминания о жизни Якова, Клавдии и Андрея в сибирской ссылке. Андрей (кв. 319) отредактировал воспоминания матери, написал (в соавторстве) три детективных повести по материалам своей работы в НКВД и фигурирует в роли следователя в воспоминаниях Анны Лариной-Бухариной (кв. 470). После ареста бывшего начальника следственного отдела ВЧК Григория Мороза (кв. 39) его жену Фанни Львовну Крейндель и старшего сына Самуила отправили в лагерь, а младших сыновей Владимира и Александра – в детский дом. Владимир вел дневник и написал несколько писем, которые были использованы в качестве доказательства его вины (и впоследствии опубликованы); Самуил написал воспоминания и отправил их в музей. Ева Левина-Розенгольц, профессиональная художница и сестра наркома внешней торговли Аркадия Розенгольца (кв. 237), провела семь лет в ссылке и создала несколько графических циклов о тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся. Старейшая старая большевичка Елена Дмитриевна Стасова (кв. 245, 291) посвятила последние десять лет жизни «реабилитации» тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся.

Юлия Пятницкая, жена секретаря Исполкома Коминтерна Осипа Пятницкого (кв. 400), начала вести дневник неза-

долго до ареста мужа и вела его до своего ареста. Дневник был опубликован ее сыном Владимиром, который написал книгу об отце. Татьяна Мягкова, жена председателя Госплана СССР Михаила Полоза (кв. 199), писала своим близким из ссылок, тюрем и лагерей. Ее письма сохранила и перепечатала ее дочь Рада Полоз. Наталия Сац, жена наркома внутренней торговли Израиля Вейцера (кв. 159), основала первый в мире детский театр и написала две автобиографии, одна из которых описывает ее пребывание в ссылках, тюрьмах и лагерях. Агнесса Аргиропуло, жена начальника УНКВД Западной Сибири и автора идеи использования внесудебных троек при проведении массовых репрессий Сергея Миронова, рассказала об их совместной жизни сотруднице общества «Мемориал», которая опубликовала текст их бесед отдельной книгой. Мария Денисова, жена замнаркома обороны Ефима Щаденко (кв. 10 и 505), послужила прототипом Марии в поэме Маяковского «Облако в штанах». Начальник Московско-Казанской железной дороги Иван Кучмин (кв. 226) послужил прототипом Алексея Курилова в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан». Корреспондент «Правды» Михаил Кольцов (кв. 143) послужил прототипом Каркова в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Усомнившийся Макар из рассказа Андрея Платонова участвовал в строительстве Дома правительства. Всехсвятская улица, на которой строился Дом правительства, была переименована в честь автора «Железного потока» Алек-

сандра Серафимовича (кв. 82). Юрий Трифонов, сын комиссара Красной армии и председателя Главного концессионного комитета Валентина Трифонова (кв. 137), написал повесть, превратившую Дом правительства в Дом на набережной. Его вдова, Ольга Трифонова, стала директором музея «Дом на набережной», который собирает книги, письма, рассказы, картины, дневники, фотографии, граммофоны и другие следы Дома правительства.

Благодарности

На написание этой книги ушло много лет. Я благодарен Гуверовскому институту в Стэнфорде за самый спокойный год жизни и Виссеншафтсколлег в Берлине за один из самых счастливых; Национальному фонду гуманитарных наук, Национальному совету евразийских и восточноевропейских исследований и Калифорнийскому университету в Беркли за финансовую поддержку; Кристиане Бюхнер за сотрудничество и документальный фильм; Ольге Бандример за транскрипцию интервью; Артему Задикяну за несравненные фотографии и столь же несравненную щедрость; Элеоноре Гилбурд, Кэтрин Зубович, Клариссе Ибарре, Николь Итон, Майклу Коутсу, Джейсону Мортону, И. Т. Сидоровой, Виктории Смолкиной, А. Г. Теплякову, Брэндону Шехтеру и Чарльзу Шоу за помощь в поисках документов. Особая благодарность – друзьям и коллегам, которые прочитали всю рукопись и прислали конструктивную и деструктивную критику: Виктории Боннелл, Джорджу Бреслауэру, Амиру Вайнеру, Джеймсу Вернону, Брайану Делэю, Сергею Иванову, Джозефу Келлнеру, Иоахиму Кляйну, Джону Коннелли, Томасу Лакёру, Элизабет Макгуайр, Ольге Матич, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Энн Несбет, Джой Ноймайер, Дэниелу Орловскому, Ирине Паперно, Этану Поллоку, Игорю Примакову, Хэнку Райшману, Эдварду Уокеру, Мириам

Феркелиус, Виктории Фреде-Монтемайор, Григорию Фрейдину, Дэвиду Холлингеру, Ирвину Шайнеру и всем членам берклийского кружка по русской истории.

Джон Джерде спрашивал меня, как я собираюсь писать эту книгу, пока я не собрался ее писать; Реджи Зельник заметил бы присутствие персонажа, который не жил в Доме правительства; Бригитта ван Райнберг превратила громоздкую рукопись в «Дом правительства»; а Зои Паньямента наглядно показала, как работает хороший литературный агент. Варвара Горностаева руководила созданием русской версии, а Екатерина Владимирская снова научила меня писать на родном языке.

Больше всех я обязан женщинам, которые создали музей «Дом на набережной» и приняли меня в свою среду: покойным Викторией Борисовне Волиной, Елене Ивановне Перепечко и Тамаре Андреевне Тер-Егiazарян и моим друзьям и учителям Инне Николаевне Лобановой, Татьяне Ивановне Шмидт и Ольге Романовне Трифоновой. Эта книга посвящается им.

Взаимность обратно пропорциональна близости. На услугу постороннего следует ответить как можно скорее; близкий друг может ждать обещанной саги двадцать лет; все семьи похожи друг на друга, потому что на них не распространяются правила обмена дарами. Поэтому я не благодарю Петра Слёзкина и Лизу Литтл за их участие в написании этой книги.

Книга первая

В пути

Часть I

Ожидание

Карта Москвы

1. Болото

Москва выросла на высоком берегу реки, именем которой названа. Замоскворецкие низины обросли слободами стрельцов, казаков, кузнецов, кадочников, хамовников, овчинников, толмачей и ордынцев, но пойма реки напротив Кремля долго оставалась цепью озер и болот. В 1495 году Иван III приказал снести все постройки вдоль левого берега реки и разбить на их месте великокняжеские сады. Сады были посажены, а при Алексее Михайловиче аккуратно подстрижены, но ил не отступал. Средние Садовники на западе ограничивались Болотом, на востоке – Балчугом («болото» по-татарски), а на юге – безымянными лужами и топями. После того как на месте брода через Москва-реку был построен Всехсвятский Каменный мост, начало южного тракта превратилось в людный торг с лавками, кабаками и складами. После пожара 1701 года сады забросили, а часть болота стала рыночной площадью и местом для фейерверков, кулачных боев и публичных казней¹.

После половодья 1783 года вдоль южного края поймы был вырыт Водоотводный канал. Берега превратились в набереж-

¹ Якиманка (М.: Элита, 1998), с. 24–38; *По Москвь. Прогулки по Москвь и ея художественнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ* (М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 301–305; О. Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть* (М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 1999), с. 5–22, 36–37.

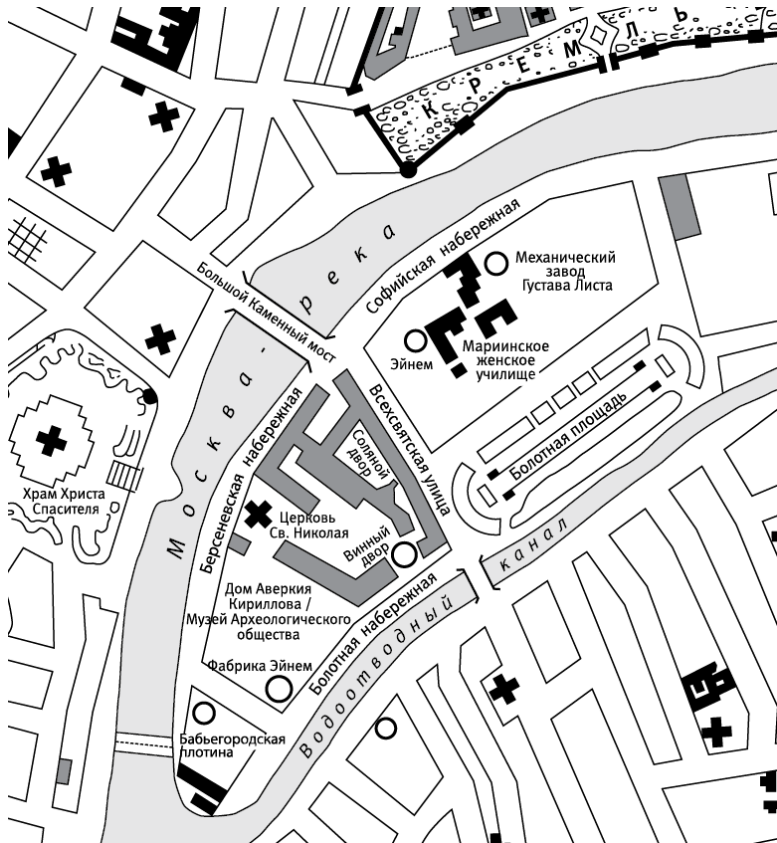
ные, поперечные «ровушки» в переулки, а бывшие Государевы сады в густонаселенный месяцеобразный остров. Пожар 1812 года, выкуривший Наполеона из Москвы, уничтожил большую часть зданий и рассеял их жителей. Новые постройки – школы, трактиры, фабрики и купеческие дома – строились из камня. Бабьегородская плотина у западной оконечности острова сделала канал судоходным, а наводнения – менее частыми. Рядом с плотиной, на кремлевской стороне, вырос храм Христа Спасителя, освященный в 1883 году и посвященный «вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»².

В канун Первой мировой войны почти вся западная («Болотная») часть острова принадлежала Фабрике шоколада, конфет и чайных печений Эйнем, славившейся голландским какао, сладкими корзинами для невест, цветными фигурками из марципана и тортом «Полюби меня». Основанная в 1867 году двумя немецкими предпринимателями, разбогатевшими на поставках сиропов и варений русской армии, фабрика располагала несколькими паровыми машинами и поставляла сладости двору его императорского вели-

² Якиманка, с. 33–38, 47; Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть*, с. 23–24; Е. Кириченко, *Храм Христа-Спасителя в Москве: История проектирования и создания собора 1813–1931* (М.: Планета, 1992), с. 16.

чества. Директор Оскар Гейс, сын одного из основателей, жил неподалеку в большом двухэтажном особняке с клотзетами на обоих этажах, оранжереей с двумя парниками и большой конюшней с каретным сараем. На другом конце двора располагались квартиры экономок, фельдшеров, кучеров, инженеров (в основном немцев) и семейных и холостых служащих, а также библиотека, столовая, прачечная, коровник и несколько лавок и «помещений для рабочих». Фабрика славилась сравнительно высокими зарплатами, хорошими условиями труда, любительским театром и «зубатовской» кассой взаимопомощи. По воскресеньям к обеду полагалась «сотка» водки или бутылка пива на двоих. Дети до шестнадцати лет получали бесплатную одежду, пели в духовном хоре, работали в магазине (около одиннадцати часов в день) и не имели права выходить из общежития после восьми вечера. Около половины рабочих служили на фабрике более пятнадцати лет. Женщины получали значительно меньше, чем мужчины. Самую тяжелую работу выполняли поденщицы и подростки³.

³ О. Оробей, ред., *Строители России – XX век: Москва начала века* (М.: О-Мастер, 2001), с. 120–121; В. Кондратьева и В. Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии. Конец XVIII – начало XX в.* (М.: ЦГУ Москвы, 1968), с. 97; В. Руга и А. Кокорев, *Москва повседневная, очерки городской жизни начала XX века* (М.: Олма-Пресс, 2005), с. 78–81; <http://www.redoct.msk.ru/rus/about/history.shtml>; ЦИАМ ф. 179, оп. 62, д. 17680; оп. 63, д. 17546; И. Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю* (М.: Изд-во ВЦСПС, 1927), с. 15–20.

Болото

Вид на Болото и храм Христа Спасителя со стороны Кремля

Между шоколадной фабрикой и новым каменным зданием Императорского яхт-клуба (на «Стрелке» при слиянии Москва-реки и Водоотводного канала) находились Бабьего-родские казармы и, среди прочего, пивная лавка торгового дома «Андреев и Добрышев», хлебная лавка крестьянина Михаила Алексеевича Воробьева, овощная лавка крестьянина Николая Осиповича Трандина, столярная мастерская мещанина Александра Тихоновича Богданова, портновское заведение крестьянина Бориса Евдокимовича Евдокимова

и коробочное заведение с квартирой цеховой Феодосии Андриановны Сурниной. С восточной стороны фабрика граничила с Домом думного дьяка Аверкия Кириллова, в котором располагалось Московское археологическое общество, и с церковью Св. Николая Чудотворца, в которой хранились останки Аверкия Кириллова. Церковные сторожа, дьяконы, псаломщики, просфорницы и священники (отец Орлов и отец Дмитриев) жили при погосте рядом с богадельней Св. Николая⁴.

По рассказу Николая Бухарина, выросшего на Большой Ордынке, замоскворецкие церкви были полны народа.

Купчихи в шелковых платьях стояли впереди, шелестели кофтами и юбками, крестясь пухлыми розовыми ручками. Истоиво и степенно молились их мужья. За ними располагалась челядь из приживалок: старушки в черном, богобоязненные сплетницы, охранительницы семейного очага и сводницы, тетушки и племянницы, ждавшие женихов и млевшие от тоски и жира, наперсницы, дворовые. Тут же фасонисто стояли чиновники и чиновницы. А позади густой толпой жался, стоя и на коленях, люд черный, усталый, ждавший утешения от Бога всеблагого, спасения от Спаса нашего. Но Спас молчал и лишь печально смотрел сквозь

⁴ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17678, 17679, 17544, 17686; М. Коробко, *Раступитесь, думный дьяк идет! Палаты на Берсеневской Набережной* <http://testan.narod.ru/article/bersen.htm>; Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть*, с. 29–34.

огонь лампад на склоненные тела, на согбенные спины, на тяжкие вздохи обездоленных... Ребятня пересмеивалась не без страха. Слюнявили пальцы и тушили ими свечи. Свечи трещали, мальчишки и девчонки фыркали, и смех душил их, несмотря на грозные взоры старших. Кое-где переглядывались влюбленные. На паперти сидели нищие калеки в жалком отребье, в лохмотьях, с култушками вместо рук и ног, с кровавыми глазами, с бельмами, вывороченными веками, слепые, хромые, Христа ради юродивые⁵.

Вид на Эйнем со стороны храма Христа Спасителя

⁵ Н. Бухарин, *Времена* (М.: Прогресс, 1994), с. 23.

Яхт-клуб

Многие из них жили по соседству. Около церкви, вокруг шоколадной фабрики и вдоль Водоотводного канала (Канавы) теснились дворы, застроенные деревянными и каменными домами с тамбурами, пристройками, антресолями, верандами, подвалами, чердаками, крыльцами, флигелями и мезонинами. Дома делились на квартиры, а квартиры на комнаты, каморки и «углы с койками», обитатели которых ходили или не ходили в церковь Св. Николая Чудотворца. Фабричный подмастерье Семен Канатчиков, который приехал на Болото из деревни Гусево Волоколамского уезда в 1895 году в возрасте шестнадцати лет и первое время регулярно ходил в церковь, жил в «огромном каменном доме, двор которого напоминал большой каменный колодец. У верхних этажей всюду на протянутых веревках болталось мокрое белье. Во дворе пахло едкой вонью и карболкой. По всему двору блестели грязные лужи и валялись отбросы овощей. У квартир и во дворе всюду толпился народ – шумели, кричали, ругались». Канатчиков жил в одной из этих квартир с пятнадцатью крестьянами из его уезда. «Одни были холостые, у других жены жили в деревне и вели свое хозяйство»⁶.

⁶ С. Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн.1 (М.: Земля и фабрика, 1929), с. 8–11.

Церковь Св. Николая Чудотворца

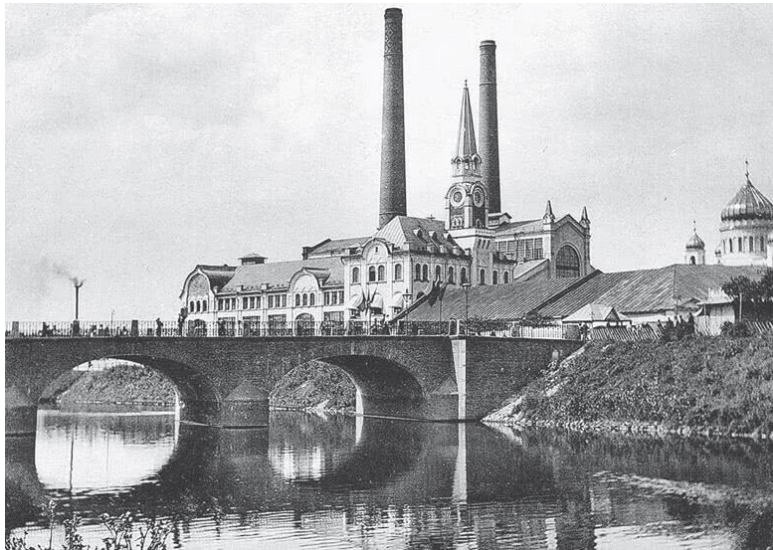
Вид с Бабьегородской плотины на Берсенеvскую набережную

Вид на Замоскворечье со стороны Водоотводного канала

Ворота Винно-соляного двора

Электростанция

Дом рядом с электростанцией

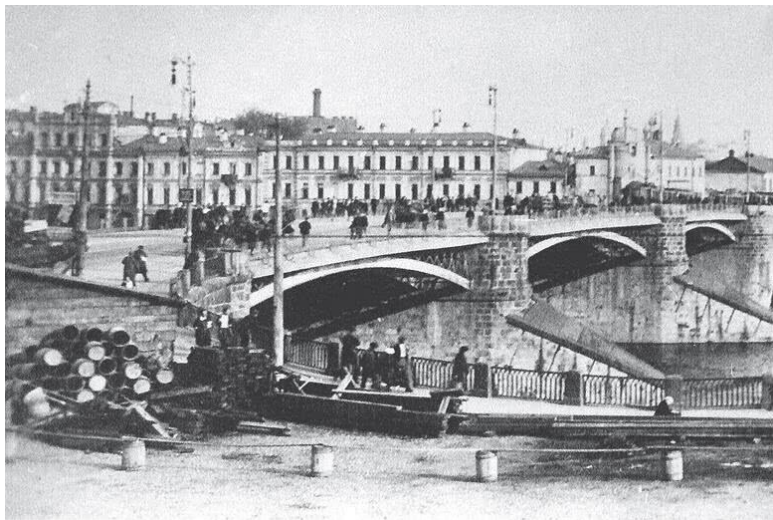
Рядом с церковью Св. Николая находилась водочная фабрика Ивана Смирнова и сыновей, принадлежавшая внуку Ивана, Сергею Сергеевичу Смирнову, и продававшая в год 330 тысяч ведер водки (спирт для которой, по заключению одной из правительственных комиссий, производили мелкие самогонщики в Тульской губернии). Между водочной фабрикой и Всехсвятской улицей находилась территория бывшего Винно-соляного двора, где размещался Столичный съезд мировых судей с архивом, канцелярией и квартирами служащих, а также контора и квартира заведующего город-

ской канализацией, контора водопровода, несколько каменных амбаров (в том числе три для яблок и один для яиц) и Главная трамвайная электростанция, увенчанная двумя трубами и башенкой со шпилем⁷.

Всехсвятский мост, известный как Большой Каменный (хотя с 1858 года он был в основном железным), служил местом сбора паломников и нищих. Исключением была первая неделя Великого Поста, когда вся округа превращалась в «грибной рынок». Как сообщали газеты, среди «бесчисленных рядов ларей и телег с горами всякой постной снеди» преобладали грибы, но много было и меда, варенья, баранок, редьки, мешков с сушеными фруктами, «всевозможных дешевых кондитерских сластей» и лавок «с посудой, дешевенькой мебелью и всяческими несложными и незатейливыми принадлежностями домашнего обихода». Ряды тянулись вдоль реки до Большого Устьинского моста. «Над рынком стоит гул от криков, смеха, свиста тысяч народа – у многих еще не вышел масленичный угар, в воздухе висят невеликопостные шутки, остроты. Под ногами – грязное месиво, но публика не обращает на это внимания. Немало карманников, они умышленно устраивают давку»⁸.

⁷ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17693, 17693а; оп. 63, д. 17551, 17559, 17560; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 268; В. Похлебкин, *История водки* (М. Центрполиграф, 2007), Приложение 9 (<http://www.pohmel.com/?q=node/394>); Оробей, ред., *Строители России*, с. 279–280.

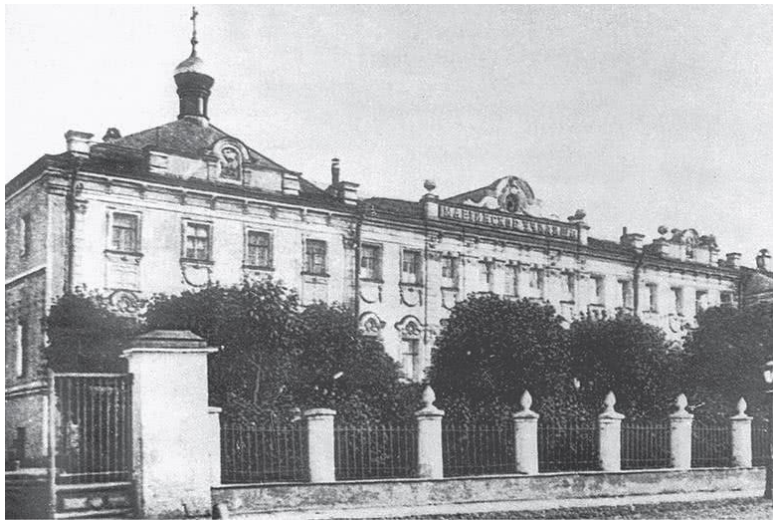
⁸ Joseph Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), с. 251; Оробей, ред., *Строители*

Большой Каменный мост

Грибной рынок

Мариинское женское училище

Через улицу от Винно-соляного двора (на углу Всехсвятской и Софийской набережной) находилась часовня Св. Николая Чудотворца, «что в Бирлюковской пустыни», с двумя небольшими флигелями, в которых помещались сменявшие друг друга лавки (мануфактурная, колониальная, книжная, овощная) и квартиры монашествующих. К часовне примыкало несколько трактиров, дешевая баня, служившая также публичным домом, и несколько зданий бывшего Суконного двора с квартирами служащих шоколадной фабрики и многочисленными лавками, среди которых числились паяльная мастерская крестьянина Ивана Васильевича Лапшина, па-

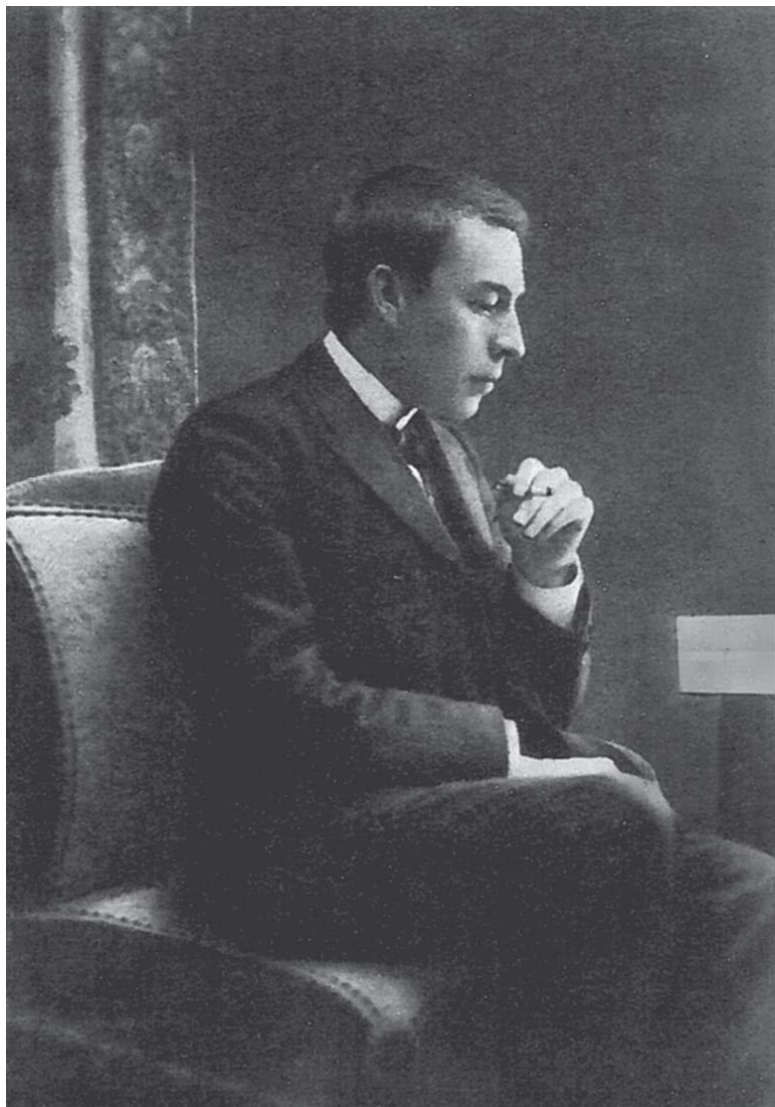
рикмахерский магазин цехового Моисея Васильевича Васильева, сапожный магазин крестьянки Пелагеи Арсеньевны Алексеевой, белошвейный магазин купчихи Прасковьи Сафоновны Трусовой, красильный магазин мещанки Клавдии Матвеевны Пономаревой, модная мастерская мещанина Алексея Тимофеевича Панкратьева, золотошвейная мастерская мещанки Анны Александровны Ивановой, пивная лавка крестьянки Варвары Федоровны Куликовой, чулочная мастерская жены коллежского регистратора Авдотьи Семеновны Вайнштейн и фонограф мещанина Василия Федоровича Заботина⁹.

Дальше по набережной, напротив Кремля, располагалось Мариинское женское училище, призванное «способности учащихся употреблять не только для образования ума, но и для образования сердца и характера». Образование сердца происходило в музыкальных классах на первом этаже, между столовой и канцелярией. С 1894 по 1906 год теорию музыки преподавал Сергей Рахманинов, зарабатывавший таким образом освобождение от воинской повинности. По словам одной из его учениц, входя в класс, Рахманинов, которому тогда было 23 года, «садился за стол, нередко вынимал носовой платок, долго вытирал им лицо, затем, опустив голову на пальцы рук, вызывал ученицу, иногда не под-

⁹ ЦИАМ ф. 179, оп. 62, д. 17697, 17694, 17695, 17696; оп. 63, д. 17563, 17561; Semen Kanatchikov, *A Radical Worker in Tsarist Russia: The Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov*, ed. and trans. Reginald E. Zelnik (Stanford, CA: Stanford University Press, 1986), 7, 25, 34. Ср.: Канатчиков, *Из истории*, кн. 1, с. 8, 21.

нимая головы и не глядя на нее, спрашивал урок». Однажды утром он рассердился на кого-то из учениц и ушел с урока домой, но вскоре пожалел об этом и написал директору записку: «Я вообще плохой преподаватель, а сегодня еще был к тому же непростительно зол, но если бы знал, что за мою злость ученицы будут расплачиваться, я бы не позволил себе этого». В качестве покаяния он написал Шесть хоров для женских или детских голосов с фортепиано (*Op. 15*) и принял участие в нескольких ученических концертах¹⁰.

¹⁰ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17699; *Якиманка*, с. 52; М. Челищева, «С. В. Рахманинов в Мариинском училище» из *Воспоминаний о Рахманинове*, том 1 (М.: Музыка, 1988), с. 386–389; С. Рахманинов, *Письма* (М.: Музыкальное издательство, 1955), с. 115; В. Брянцева, *С. В. Рахманинов* (М.: Советский композитор, 1976), с. 206–207; Barrie Martyn, *Rachmaninoff: Composer, Pianist, Conductor* (Aldershot: Scolar Press, 1990), с. 104–106; А. Горькушкина, «Рояль Рахманинова» (*Вечерняя Москва*, 19 октября 1992).

Рахманинов в 1904 г.

Сразу за училищем располагался механический завод Акционерного общества Густава Листа, производивший паровые машины, пожарные насосы, водопроводное оборудование и вентиляторы. Сам Густав Лист жил над заводской конторой в большой квартире с зимним садом. Он приехал из Германии в 1856 году и, проработав несколько лет механиком на Воронежском сахарном заводе, открыл в 1863 году фабрику на Софийской набережной. В 1897-м фирма стала акционерным обществом. В 1901 году на заводе работало около семисот человек¹¹.

Большую часть квартала занимали заводские склады, мастерские и общежития. Семен Канатчиков работал в «аристократической» модельной мастерской. «Большинство модельщиков были городские жители – одевались чисто, брюки «навыпуск», рубашки носили «фантазия», заправленные в брюки, воротничок подвязывали вместо галстука цветным шнурком, а по праздникам некоторые ходили даже в котелках. Стриглись «под польку» или ершом. Держались солидно с сознанием собственного достоинства, по-матерному ругались лишь «в сердцах» в случае крайней необходимости, да еще в получку, когда напивались, да и то не все»¹².

¹¹ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17700; Оробей, ред., *Строители России*, с. 118; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 93, 115.

¹² Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн.1, с. 17–18.

Механический завод Густава Листа

Болотная площадь. Вид со стороны Кремля

В литейной мастерской, куда попадали готовые материалы, «как кроты, рылись в земле и пыли грязные черные люди, у которых на черном фоне покрытого копотью лица блестели только белки глаз». Под «грохот огромных подъемных кранов, перебираемых шестерен и лязганье толстых цепей» по желобу из вагранки «выливалась огромная тяжелая огненно-красная струя расплавленного чугуна, разбрасывая вокруг большие пылающие брызги-искры и освещая стоявшие вокруг мрачные фигуры литейщиков»¹³.

Когда Канатчиков поступил на завод, рабочий день про-

¹³ Там же, с. 43.

должался одиннадцать с половиной часов (не считая сверхурочных ночных смен осенью и зимой, когда было много заказов), но после забастовки петербургских ткачей в 1896 году Лист сократил рабочий день до десяти часов. Большинство рабочих, как «городские», так и «деревенские» (которые «носили сапоги с голенищами, подпоясанные поясом ситцевые косоворотки, стриглись «под горшок» и носили бороды, к которым редко прикасалась рука парикмахера»), жили на Болоте. В нерабочее время они пили смирновскую водку, дрались на свадьбах, рассказывали анекдоты про попов, удили рыбу в Канаве и Москва-реке, встречались в купальнях с местными проститутками, ухаживали в Александровском саду за чулочницами и поварихами, читали уголовную хронику, романы с продолжениями, духовные книги и социалистические брошюры, устраивали кулачные бои на льду около плотины (обычно с рабочими Бутиковской текстильной фабрики с Пречистенской набережной) и ходили на подпольные собрания, а также в церковь, Третьяковскую галерею или Исторический и Румянцевский музеи. По воскресеньям в музеи пускали бесплатно, но лучшим «даровым зрелищем», по словам Канатчикова, были московские пожары, на которые рабочие Листа, «как бы ни были усталые, сломя голову бежали»¹⁴.

¹⁴ Там же, с. 14, 17–18.

Болотный рынок

Дважды в месяц по субботам артель Канатчикова «предавалась дикому разгулу. Одни, прямо с завода, получив получку, шли в пивные, в трактиры, в злачные места, а иные, пофрантоватее, заходили на квартиру сначала переодеться». В следующий понедельник «страждущие» лечились от похмелья спиртовым лаком, который хранился в специально приготовленном жестяном бидоне. «После обеда половина мастерской была пьяна. Одни слонялись по чужим верстакам, другие отсиживались в уборной. Не в меру опохмелившиеся шли спать в сушилку или модельный сарай»¹⁵.

¹⁵ Там же, с. 11, 15–16. См. также: Robert Eugene Johnson, *Peasant and*

К востоку от механического завода находился особняк сахарозаводчика Харитоненко с готическими интерьерами Федора Шехтеля и большой галереей русского искусства, а между заводом и Канавой пролегало собственно Болото – большая площадь, застроенная длинными каменными амбарами с сотнями лотков и лавок. В конце лета пространство между амбарами превращалось в гигантский фруктово-ягодный рынок. Каждый вечер перекупщики собирались в чайной Афанасьева, чтобы договориться о ценах. Около двух часов ночи они выходили к подъезжавшим крестьянам и «неспешно ходили вдоль линии вozов, привычно поглядывая на ягодное изобилие. Выбрав то, что нужно, они называли цену и, если крестьянин начинал возражать, с деланным безразличием отходили в сторону, спокойно закуривали папироску». Начинался торг. По словам репортера «Московского листка», «цифры, божба и ругань, клятвы и остроты – все это перемешивается, подхватывается и разносится по площади». На рассвете крестьяне разъезжались, начиналась торговля, и, «как по волшебству, все разом оживало, становилось красивым и веселым». Выбор был столь велик, «что можно было подивиться объему и аппетиту московского чрева, проглатывающего ежедневно эти дары Болота, –

Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century (New Brunswick: Rutgers University Press, 1979); Victoria E. Bonnell, *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914* (Berkeley: University of California Press, 1983).

так, между прочим, как лакомство и пустую забаву»¹⁶.

После восхода солнца ягоды сменялись грибами, овощами и гуляющим народом. По воспоминаниям Николая Бухарина, по праздникам население конур «задыхалось в чаду трактиров и полупивных с красно-синей вывеской «Пивная с садом» или с причудливо выведенными буквами «Трахтер: Свидание друзей». Здесь сновали половые в грязной одежде, которая только по названию была белой, дым стоял коромыслом, играла «машина», дребезжали стаканы, рвала воздух гармоника, звучали надрывные, тоскливые песни. Все это пестрое, многоликое пело, буянило, пило, орало, обнималось, дралось, целовалось, плакало»¹⁷.

* * *

Государство в лице различных чиновников и учреждений пыталось оздоровить и регламентировать жизнь на Болоте. Оно инспектировало рыночные лавки и продукцию Эйнема, Смирнова и Листа; ремонтировало улицы, мостовые и набережные (Берсеновская и Софийская были в числе самых благоустроенных в городе); выуживало трупы пьяниц и самоубийц из Канавы; считало каждую дверь и каждого жильца ради налогового учета и политической слеж-

¹⁶ Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 94–98. См. также: Якиманка, с. 40; Оробей, ред., *Строители России*, с. 153, 181.

¹⁷ Бухарин, *Времена*, с. 23.

ки; снабжало население и предприятия водой, газом и электричеством (с приложением подробных правил подключения и пользования); устанавливало гидранты Листа и тушило пожары (все чаще предпочитая лошадям автомобили, а каланчам телефоны); проводило канализацию, а в 1914 году сделало подключение к ней обязательным для собственников (которым предписывалось сообщать о «распространяющемся из ватерклозета или писсуара зловонии»); отвечало за осушение затопленных районов и вывоз мусора на свалки; хранило и сортировало мясо на городских скотобойнях; выпускало номерные бляхи для извозчиков и контролировало уличное движение и правила стоянок; расширяло трамвайную сеть, которая питалась от электроэнергии, производившейся на территории Винно-соляного двора (при помощи бакинской нефти, доставлявшейся водным и железнодорожным путем в хранилище при Симоновском монастыре, а оттуда по подземным трубопроводам в Болото); занималось доставкой писем, посылок и телеграмм; заменяло керосиновые уличные фонари на газовые, а перед храмом Христа Спасителя и вдоль трамвайных путей – на электрические; обязывало владельцев недвижимости вывозить грязный снег за городскую черту и нанимать дворников и ночных сторожей для уборки, охраны и тайного наблюдения; высаживало деревья и благоустраивало городские парки беседками, павильонами и летними театрами; строило и содержало большинство школ; оплачивало стоимость половины

больничных коек; следило за благонадежностью спектаклей и публикаций; содержало богадельни, детские приюты, ночлежные дома и попечительства о бедных; и следило за тем, чтобы все российские и иностранные подданные отмечались по месту жительства, а все факты рождения, смерти и брака регистрировались компетентными религиозными учреждениями¹⁸. (Чтобы получить разрешение на брак с кузиной, Рахманинов должен был предоставить справку об исповеди, найти полкового священника, не подчиненного синодальному ведомству, и получить разрешение государя императора.)¹⁹

Современное государство делает слишком много или слишком мало. Его услуги – одновременно вмешательство в жизнь и жалование прав. Россия начала XX века не была современным государством, потому что предоставление услуг отставало от промышленной экспансии (Москва была одним из самых быстрорастущих городов мира: до 70 процентов населения составляли мигранты, в основном кре-

¹⁸ Оробей, ред., *Строители России*, с. 255–256, 261–262, 266–273, 276–280, 285–286, 293–294, 328, 360; Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 225, 237–238, 244, 297–318, 339–340 (о запахе цит. по с. 305); Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914* (NY: Oxford University Press, 1987), с. 85–89, 154–159; Joseph Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), с. 299–337; Paul W. Werth, «In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7.3 (2006), с. 433–458.

¹⁹ *Воспоминания о Рахманинове*, т. 1, с. 125–126; Е. Дмитриевская, В. Дмитриевский, *Рахманинов в Москве* (М.: Московский рабочий, 1993), с. 75–76.

стью вроде Канатчикова), а бюрократические предписания воспринимались как необязательные или условные (Рахманинов раздобыл фальшивую справку об исповеди, справил свадьбу в полковой церкви Шестого гренадерского полка и получил от царя записку: «Что Бог соединил, человек да не разлучает»). Но в первую очередь Российское государство не было современным потому, что не считало свои услуги осуществлением неотчуждаемых прав, а своих подданных — гражданами, сознательно вовлеченными в процесс собственной национализации. Оно не исходило из того, что кто-то помимо чиновников может активно участвовать в строительстве государства, ощущать личную заинтересованность в его дальнейшем развитии и испытывать потребность, сколь угодно противоречивую, в расширении бюрократического вмешательства²⁰.

Вместо этого государство предоставляло все больше услуг, усиливая контроль над потенциальными узурпаторами. В канун Первой мировой войны Москва была самым полицейским городом в Европе (278 жителей на одного полицейского, по сравнению с 325 в Берлине, 336 в Париже и 442 в Вене). Якиманская часть, в состав которой входило Болото, вела учет всех проживавших там иностранцев, евреев, студентов, извозчиков, рабочих и безработных, а также «тор-

²⁰ Bradley, *Muzhik and Muscovite*, с. 4, 9–40; Оробей, ред., *Строители России*, с. 29–30; *Воспоминания о Рахманинове*, т. 1, с. 125–126; Дмитриевская, Дмитриевский, *Рахманинов в Москве*, с. 75–76.

говых, трактирных, фабричных и ремесленных заведений». Помимо рутинной отчетности полицейские агенты должны были следить за благонадежностью служащих различных заведений («сообщив при этом сведения о настроении названных служащих, а также не замечен ли кто из них во вредном влиянии на сослуживцев»), призывать жителей вывешивать флаги по государственным праздникам и «иметь тщательное наблюдение» за всеми «лицами, состоящими под гласным или негласным надзором полиции». В графе «характерные приметы» лица эти описывались как «вспыльчивые», «разговорчивые» или «задумчивые». Чем усерднее работала полиция, тем более вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми становились их подопечные²¹.

В сентябре 1905 года рабочие Листа в числе первых в Москве вышли на забастовку с требованием гражданских свобод, «неприкосновенности личности» и улучшения условий труда. После митинга на Софийской набережной примерно триста из них прошествовали к шоколадной фабрике Эйнема и потребовали, чтобы она прекратила работу. В ноябре 1905 года механическая мастерская Эйнема превратилась в оружейный завод. «Кузнецы ковали, а слесаря подпиливали и оттачивали, ножи, кинжалы и все, что мож-

²¹ Thurston, *Liberal City, Conservative State*, с. 87; ЦИАМ, ф. 1272, оп. 1, д. 345–358 (о коммерческих учреждениях цит. по д. 358); ф. 475, оп. 19, д. 167, 167, 168; оп. 17, д. 1312, л. 3–39. См. также: Jonathan W. Daly, *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004).

но приготовить из металла», в ожидании «Варфоломеевской ночи» (о которой, по словам первого советского историка фабрики, «имели представление как о беспорядочной резне»). В декабре 1905 года на Болоте стреляли и строили баррикады; в 1906 и 1913 году прошли новые забастовки; наводнение 1908 года затопило большую часть «конур, где голые дети ползали среди грязного тряпья»; а немецкие погромы 1915 года привели к частичному разорению фабрики Эйнема и полному разрушению шести ее конфетных магазинов в других частях города. Жители Болота становились все более вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми. Сословные ярлыки («крестьянин» Канатчиков, «дворянин» Рахманинов) имели мало отношения к тому, чем занимались граждане; церковные истины (от божественной природы самодержавия до пользы исповеди) подвергались сомнению и осмеянию; новые центры организации экономики (в том числе Лист и Эйнем) не соответствовали привычным представлениям о хозяйственном укладе; новая железнодорожная сеть с центром на севере Москвы (и тяготеющие к ней промышленные и торговые районы) не укладывалась в радиальную уличную схему, привязанную к Кремлю; а высокая литература, все дальше уходившая от массовой, потеряла надежду найти осмысленную связь между «давным-давно» и «жили счастливо и умерли в один день». Россия была не единственной жертвой столкновения индустриализации с *fin-de-siècle*, но упрямая косность старого режима прида-

вала ее метаниям характер апокалиптического нетерпения. Империя кишела пророками, предсказателями и бродячими проповедниками. Все исходило из того, что мир болен, а конец близок²².

Помимо правоверных православных, которые читали больше божественных книг и чаще рассказывали о чудесных видениях и исцелениях, чем полвека назад, Россия наполнилась пролетарскими поэтами, писавшими о «цепях страданий» и грядущем избавлении; иоаннитами, почитавшими Иоанна Кронштадтского как провозвестника Судного дня; братцами (чуриковцами), искавшими личного спасения в трезвенности, умеренности и духовности; толстовцами, проповедовавшими моральное преображение посредством вегетарианства и непротивления злу насилием; духовоборами, которым толстовцы (и их собратья квакеры) помогали бежать от воинской повинности; баптистами, активно и успешно распространявшими принцип всеобщего священства; эсерами, видевшими в русском крестьянстве средство и цель всеобщей эмансипации; социал-демократами, верив-

²² И. Спиридонов, *Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.* (М.: Госполитиздат, 1955), с. 51–52, 57; Laura Engelstein, *Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1982), с. 85–86, 110, 206–208, 214; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 164, 172, 176; Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю*, с. 26–34, 38–47 (о Варфоломеевской ночи цит. по с. 28); Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I* (Cambridge: Harvard University Press, 2003), с. 16, 34. О наводнении см. материалы ЦИАМ после 1908 г., ф. 179, оп. 62, 63.

шими в искупительную миссию городского пролетариата; декадентами, жившими «с тягостно-горделивым сознанием»; что они «последние в ряду былой высокой культуры»; и наконец, символистами, которые, по словам Владимира Соловьева, к каждому предмету и явлению, включая собственную жизнь, подходили «с точки зрения его окончательного полного состояния или в свете будущего мира»²³.

²³ Christine D. Worobec, «Miraculous Healings,» in Mark D. Stenberg and Heather D. Coleman, ed., *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia* (Bloomington: Indiana University Press, 2007), с. 22–43; Roy R. Robson, «Transforming Solovki: Pilgrim Narratives, Modernization, and Late Imperial Monastic Life» в: Stenberg and Coleman, ed., *Sacred Stories*, с. 44–60; Mark D. Steinberg, *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925* (Ithaca: Cornell University Press, 2002), с. 224–246; Nadieszda Kizenko, *A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People* (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2000), с. 196–200 и passim; Vera Shevzov, *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 2004); Gregory Freeze, «Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia», *Journal of Modern History* 68 (June 1996), с. 308–350; Heather J. Coleman, *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929* (Bloomington: Indiana University Press, 2005), с. 41–60 и passim; А. Эткинд, *Хлысты. Секты, литература и революция* (М.: НЛЮ, 1998); Olga Matich, *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2005), с. 9–10 (строка о «последних в ряду» по Вячеславу Иванову цит. по с. 3); Irina Paperno, «Introduction» и «The Meaning of Art: Symbolist Theories» в: Irina Paperno and Joan Delaney Grossman, ed., *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism* (Stanford: Stanford University Press, 1994), с. 1–23; В. Соловьев, *Собрание сочинений* (Ст. П. 1911–1914), т. 6, с. 85. См. также: David M. Bethea, *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction* (Princeton: Princeton University Press, 1989); Irene Masing-Delic, *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature* (Stanford: Stanford University Press, 1992); Christopher Read, *Religion, Revolution and the*

На Болоте и в его окрестностях все были символистами. Любимой книгой десятилетнего Николая Бухарина было Откровение Иоанна Богослова – «торжественно-непонятный пафос ее, космологические катаклизмы, трубы архангелов, воскресение мертвых, Зверь, последние времена, Вавилонская блудница, чудесные чаши». Прочитав «Краткую повесть об Антихристе» Соловьева, он ощутил, как «пробежали по спине мурашки», и спросил у матери, не блудница ли она. Александр Воронский, сын тамбовского священника, который жил на чердаке над замоскворецкой просфорней и учил кожевников марксизму в подвале у церковных ворот, мечтал о «ненависти-вдохновительнице» и «повторял мысленно оглушительные и неотвратимые слова, которые заучил когда-то в отроческие годы: «И прекращу шум песен твоих, и звук цитр твоих уже не будет слышен... И разграбят богатство твое, и расхитят товары твои, и землю твою бросят в воду»²⁴.

Николай Федоров, работавший библиотекарем в Румянцевском музее, предложил практический план воскрешения мертвых и «восстановления родства, во всей полноте его

Russian Intelligentsia 1900–1912 (London: Macmillan, 1979); Laura Engelstein, *Castration and the Heavenly Kingdom* (Ithaca: Cornell University Press, 1999); Mark D. Steinberg, *Petersburg Fin de Siècle* (New Haven: Yale University Press, 2011), с. 234–267; Robert C. Williams, «The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 43, No. 3 (1995), с. 364–401.

²⁴ Н. Бухарин, *Времена*, с. 179–180; А. Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2 (М.: Антиква, 2005), с. 202, 222–234, 267–268, 310. Цитаты по с. 267–268, 310; Иез. 11:19; Иез. 26:12–13.

и силе»; Семен Канатчиков, ходивший в Румянцевский музей «смотреть картинки», обнаружил, что в недалеком будущем «все будет общей собственностью трудящихся»; Александр Скрябин, соученик Рахманинова по Московской консерватории, взялся писать «Мистерию», призванную положить конец жизни на Земле; а сам Рахманинов, еще будучи преподавателем Мариинского женского училища, написал симфонию по мотивам церковного песнопения XIII века о Страшном суде, *Dies Irae*. Рецензия Цезаря Кюи на первое исполнение Первой симфонии начиналась словами: «Если бы в аду была консерватория, если бы одному из ее даровитых учеников было задано написать программную симфонию на тему семи египетских язв и если бы он написал симфонию вроде симфонии г. Рахманинова, то он бы блестяще выполнил свою задачу и привел бы в восторг обитателей ада»²⁵.

²⁵ Н. Федоров, *Сочинения* (М.: Мысль, 1982), с. 90; Канатчиков, *История моего бытия*, т. 1, с. 14, 29; Kanatchikov, *A Radical Worker*, с. 34; Polina Dimova, «The Poet of Fire: Aleksandr Skriabin's Synaesthetic Symphony «Prometheus» and the Russian Symbolist Poetics of Light» (неопубликованная рукопись); Martyn, *Rachmaninoff*, с. 94–104; Брянцева, *С. В. Рахманинов*, с. 214–241. Цитата Кюи по: Ю. Келдыш, *Рахманинов и его время* (М.: Музыка, 1973), с. 103.

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Консерватория была не единственным обреченным учреждением в Москве, а симфония о Страшном суде – не единственным сочинением Рахманинова о сломе времен. Работая над Первой симфонией о последних днях (*Op.* 13) и Шестью хорами для воспитанниц Мариинского училища (*Op.* 15), он написал музыку к стихотворению Тютчева «Весенние воды» (*Op.* 14, № 11). Тютчев был любимым поэтом символистов, а романс стал «символом общественного пробуждения» и гимном надежды и искупления²⁶.

²⁶ Martyn, с. 110; Брянцева, с. 247–249. Цитата о символе (Гр. Прокофьев, «Пе-

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

Двенадцатого мая 1904 года полиция перехватила письмо, отправленное неким «Я» из Нижнего Новгорода С. П. Мироничевой, «в дом городского общежития учащихся женщин на Софийской набережной». Ссылаясь на «Весенние воды» Тютчева/Рахманинова и «Когда же придет настоящий день?» Добролюбова, автор призывал девушку не поддаваться отчаянию.

Пусть будет это данью времени колебанья, гнета и сомнений. Но грядущее обновление неужели неспособно уже и сейчас поднять лучшие элементы

нашего времени до бодрости и веры. Идет же он, настоящий день. Идет шумный, бурливый, сметающий по пути расслабленное, хилое и старое... Близо уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск и прозрачность на все и вся...²⁷

Неизвестно, знал ли читавший письмо сыщик, что «Я» — это Яков Свердлов, девятнадцатилетний ученик аптекаря, бывший гимназист и «профессиональный революционер».

2. Проповедники

Глашатаи «настоящего дня» делились на христиан и социалистов. «Второе пришествие» оставалось метафорой бесконечной отсрочки, но все больше «задумчивых» христиан ожидали Страшного суда на своем веку. Их веру разделяли революционеры, которые отождествляли Вавилон с капитализмом и жили в ожидании конца старого мира.

У них было много общего. Одни считали революционный социализм видом христианства, другие считали христианство видом революционного социализма. Бердяев и Сергей Булгаков предлагали дополнить христианство политическим апокалипсисом, Горький и Луначарский причисляли марксизм к религиям земного спасения, Бонч-Бруевич называл хлыстов и баптистов «передаточными пунктами» большевистской пропаганды, а большевик-пропагандист (и сын свя-

²⁷ Я. Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1 (М.: Госполитиздат, 1957), с. 139.

щенника) Александр Воронский знал революционера, который использовал Евангелие как руководство к «насильственному свержению царского строя»²⁸.

Но обычно они считали друг друга антиподами. Христиане видели в социалистах атеистов или антихристов; социалисты с этим не спорили и называли христиан ханжами или невеждами. В стандартных социалистических автобиографиях отказ от «религии» был обязательным условием духовного пробуждения.

Большинство проповедников христианского апокалипсиса были рабочими и крестьянами. Большинство теоретиков рабоче-крестьянской революции были студентами и «вечными студентами». Студенты были детьми священников, чиновников, врачей, учителей и других «пролетариев умствен-

²⁸ Эткинд, *Хлыст*, особ. с. 585–674; Read, *Religion, Revolution, and the Russian Intelligentsia*, с. 57–94; Catherine Evtuhov, *The Cross and the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy, 1890–1920* (Ithaca, Cornell University Press, 1997); С. Булгаков, *Два града. Исследования о природе общественных идеалов* (СПб.: РГХИ, 1997), особ. с. 207–247; А. Луначарский, *Религия и социализм*, т. 1, 2 (СПб: Шиповник, 1908–1911); Н. Бердяев, «Религиозные основы большевизма» в: *Собрание сочинений*, т.4 (Paris: YMCA Press, 1990), с. 29–37; Н. Бердяев, *Русская идея: основные направления русской мысли XIX века и начала XX века* (М.: Сварог, 1997), с. 168–183; В. Бонч-Бруевич, *Избранные сочинения*, т. 1 (М.: АН СССР, 1959), с. 184; Roland Boer, *Lenin, Religion, and Theology* (New York: Palgrave Macmillan, 2013), с. 59–101; David Graeme Rowley, *Millenarian Bolshevism: Empiriomonism, God-Building, Proletarian Culture* (New York: Garland, 1987); Vatro Murvar, «Messianism in Russia: Religious and Revolutionary», *Journal for the Scientific Study of Religion* 10 (1971), с. 277–338; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 137.

ного труда»: интеллигентов как метафорических евреев (избранных, изгнанных, образованных) и евреев как почетных интеллигентов независимо от профессии. Пожизненные вундеркинды, они наследовали священной миссии и жили чужаками среди «народа».

Виленский большевик Арон Сольц ассоциировал свое еврейство с «относительной интеллектуальностью» и сочувствием к революционному терроризму. Николай Бухарин вырос в семье учителя гимназии, который «любил сболтнуть что-нибудь радикальное» и просил маленького Колю декламировать стихи перед гостями. Валериан Оболенский вырос в семье ветеринара «радикальных убеждений», который учил детей иностранным языкам и поощрял их к чтению Белинского и Добролюбова («не говоря уж о классиках»). Большевик Алексей Станкевич рос в убеждении, «что мать и отец гораздо развитее, умнее и честнее окружающей среды» (его отец, кологривский учитель, пил горькую в знак протеста против «мещанской среды уездного городка»). «Все это заставляло наши умы теряться в догадках»²⁹.

²⁹ *Деятели СССР и революционного движения в России* (М.: Советская энциклопедия, 1989), с. 372, 569, 688; Бухарин, *Времена*, с. 27–29; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1848 (А. П. Станкевич), л. 6.

Арон Солыц

Николай Бухарин

Быть интеллигентом значило задаваться «проклятыми во-

просами» и чувствовать себя развитие, умнее и честнее окружающей среды (и оттого избранным и обреченным). Вопрос, может ли интеллигент ответить на проклятые вопросы и остаться интеллигентом, тоже был проклятым. Ленин думал, что нет (и не считал себя интеллигентом); авторы «Вех» утверждали, что настоящих интеллигентов не осталось (и считали себя исключениями); остальные не отличали потерянных от уверенных при условии, что они развитие, умнее и честнее окружающей среды. Доля преодолевших сомнения стремительно росла. Большинство интеллигентов верили в грядущую революцию; большинство верующих не сомневались, что за ней последует «царство свободы».

Социалисты состояли из марксистов и националистов. Классовое и национальное освобождение смешивалось в различных пропорциях. Меньшевики надеялись на растущую сознательность обнищавших пролетариев; большевики – на внеочередную рабоче-крестьянскую революцию в порядке местного исключения; народники – на вселенскую искупительную миссию русского крестьянства; бундовцы – на сохранение еврейской специфики в рамках марксистского космополитизма; а дашнаки, сионисты и польские националисты – на торжество племенного освобождения на обломках имперского самовластья. Даже крайние случаи были компромиссными: марксисты говорили о «потомственных пролетариях» с собственной культурой и генеалогией;

русские националисты назывались социалистами-революционерами, а не русскими националистами; а нерусские националисты представляли свои народы вселенскими пролетариями. Все говорили на библейском языке племенной избранности и страдания за человечество.

Валериан Оболенский (Осинский)
Предоставлено Еленой Симаковой

Один из старейших большевиков, Феликс Кон, вырос в Варшаве в еврейской семье польских националистов. «Патриотизм заменял религию, – писал он в своих воспоминаниях. – Из последней сохранилась только формальная, обрядовая сторона, не больше». Однажды на Пасху, когда дед «восседал за накрытым столом и читал молитвы», из эмиграции вернулся дядя, скрывавшийся от «москалей».

Молитвы были забыты. Все – от малышей до старого деда – с замиранием сердца слушали его рассказ.

– Чем рассказывать об освобождении евреев из Египта, поговорим о мученичестве Польши, – обратился дядя к деду, и тот охотно на это согласился.

В семнадцать лет Кон узнал о героизме русских революционеров и забыл о мученичестве Польши. Исход из Египта стал символом вселенского освобождения.

Это была перемена веры, культа... Мертвая, застывшая вера заменялась живой, действенной... Я... готов был идти на бой со всем миром лжи и лицемерия, обиды и неправды, со всем миром горя и неволи... Для меня было ясно как день, что надо идти к своим сотоварищам, к таким же 17–18-летним горячим юношам, как я, поделиться с ними своей верой, своей правдой, объединиться, сплотиться, «подучиться», – эту необходимость я смутно сознавал, – а затем всем вместе «от ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови» перейти «в стан

погибающих», открыть перед ними причины гнетущего их рабства, открыть им глаза на ту силу, которая в них сокрыта, разбудить эту силу, и... тогда... тогда... тогда... великое дело будет сделано: рухнет в пропасть царство неправды и рабства, а над землей воссияет яркое солнце свободы³⁰.

«Серийные» обращения были типичны для западных губерний и их австрийских соседей. Карл Собельсон (Радек) оставил культ Гейне (широко распространенный, по его словам, среди галицийских евреев) ради польского патриотизма, германско-польской социал-демократии и, наконец, российской версии пролетарского интернационализма. (И нигде не чувствовал себя дома.)³¹

В центре империи социалисты из состоятельных семей помнили себя впечатлительными детьми, страдавшими от «чувства неловкости и стыда за свою обеспеченность». Елена Стасова – внучка известного архитектора, дочь известного юриста и племянница знаменитого критика – рано испытала «чувство долга по отношению к... рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигенции, возможность жить так, как мы жили»³².

³⁰ Феликс Кон, *За 50 лет*, т. 1 (М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934), с. 7, 17–18.

³¹ *Дейтели СССР*, с. 593, 595. О нерусских сторонниках большевизма см.: Liliana Riga, *The Bolsheviks and the Russian Empire* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

³² РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 603 (Додонова), л. 4 (цитата о «неудобстве и сты-

де»); *Деятели СССР*, с. 701–702. См. также: *Деятели СССР*, с. 395 (Ганецкий); РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 1114 (Лепешинская), л. 4 об.

Феликс Кон

Карл Радек

Но главным источником прозрения были книги. Чувство долга Стасовой «сложилось отчасти под влиянием чтения». Сын офицера и воспитанник кадетского корпуса Сергей Мицкевич жил во тьме до четырнадцати лет.

Я прочитал «Новь» Тургенева, и глаза мои открылись: я понял, что революционеры – не злодеи, какими их пытались представить наши руководители, а люди, борющиеся за свободу, за народ. Это открытие произвело полный переворот в моих взглядах. Я стал много читать³³.

Кон (1864 года рождения), Стасова (1873) и Мицкевич (1869) принадлежали к первому поколению большевиков. У их наследников, родившихся в 1880-е и 1890-е годы, глаза открылись в школе, в кругу одноклассников. По воспоминаниям Бухарина, ученики московской гимназии № 1 (на Волхонке, рядом с храмом Христа Спасителя) делились на основную массу, которая жила «как бог на душу положит», и «элиту», которая состояла из декадентов и революционеров.

Аристократическая группа, одиночки, кучка из сыновей дворян и крупных буржуа – богатых купцов, банкиров, биржевиков, еврейских денежных тузов, усиленно лезших в самые утонченные сферы, – обезьянничали со своей взрослой молодежи, важно играя в дендизм и снобизм. Они носили брюки

³³ *Деятели СССР*, с. 546, 548.

со штрипками, английские штиблеты с длинными носками, курточки из дорогого светлого сукна, сшитые в талию у известных московских портных, и широкие шикарные кожаные кушаки. Они всегда были в крахмальных воротничках, аккуратно подстрижены, отличались безукоризненными прямыми проборами, и ни один волосок не торчал на их тщательно прилизанных головах. В гимназию они ходили так, точно делали ей великое одолжение. Держались особняком. Часто приносили с собой французские книжки, от Бодлера до Метерлинка и Роденбаха, и с меланхолическим видом, явно показывая, что они живут в мире совсем других измерений, почитывали их под партой. Ходили они расслабленной походкой, любили обмениваться французскими или английскими фразами, говорить об искусстве; были подчеркнуто корректны и точно брезгливо брали всю обычную жизнь двумя пальцами, оттопырив мизинец. Щеголяли именами Ницше, Соловьева, но их не нюхали. Иногда притаскивали репродукции с утонченно-порочных изящнейших графических шедевров Обри Бердслея или рисунки Филисьена Ропса и молитвенным шепотом говорили об Оскаре Уайльде. Из новых русских поэтов признавали только символистов и хвастались друг перед другом, сообщая последние новости из их литературного и личного закулисного быта, переходившие в квалифицированную сплетню.

Антиподом этой группы являлись дети главным образом разночинско-интеллигентских семей. Они

под курточками носили теперь косоворотки, были нарочито вихрасты и часто нечесаны; некоторые, повзрослее, уже начинали отпускать себе волосы. Они за уроками тайком почитывали Писарева, Добролюбова, Щедрина... Увлекались Горьким, который становился их настоящим кумиром, демонстративно плевали на все и всяческие авторитеты, издевались над всякими «китайскими церемониями», высмеивали «белоподкладочников», ехидствуя и над их походкой, и над их идеалами, давали им довольно меткие прозвища вроде «астральных трясогузок» и иногда вступали с ними в оживленные дискуссии, обычно на литературные темы. Они смутно чувствовали, что великий поток жизни скоро даст ответ на вопрос: «Когда же придет настоящий день?» Их захватывало каждое проявление смелого протеста, обличительное слово, геройское сопротивление установленным порядкам, и даже озорство имело в их глазах известную ценность — их стихийно влекло к разрушению «устоев», хотя бы и в мелочах. Они были дерзки на язык, не лезли за словом в карман и любили дразнить овцеподобного ближнего своего³⁴.

По словам его одноклассника, Ильи Эренбурга, Бухарин отличался от большинства революционеров (и своего меланхолического друга, Григория Бриллианта) смешливостью и легкостью характера. Но «спорить с ним было опасно: он

³⁴ Бухарин, *Времена*, с. 309–310.

ласково вышучивал противника»³⁵.

Опасным спорщиком был и Яков Свердлов. Один из шести детей нижегородского гравера, он хорошо учился в школе и был принят в гимназию, где, если верить биографам, сражался с белоподкладочниками и охранителями. «Скучая на уроках, он приспособился тут же, сидя на скамье, держать перед собою во время урока не учебник, а книгу. Когда как-то раз он был пойман на этом деле и услышал грозный окрик учителя, «Что ты делаешь?», то спокойно ответил: «Читаю интересную книгу». «Какую книгу?» – еще грознее наступает учитель, а ученик еще спокойнее: «Какую книгу? Бумажную книгу читаю». Не важно, правда ли это. Важно, что так поступали «вспыльчивые», «разговорчивые» и «задумчивые». Через четыре года Свердлов бросил гимназию и, недолго поработав учеником аптекаря, стал «профессиональным революционером»³⁶.

³⁵ Илья Эренбург, *Люди, годы, жизнь*, т. 1 (М., Советский писатель 1990), с. 73.

³⁶ К. Свердлова, Яков Михайлович Свердлов (М.: Молодая Гвардия, 1985), с. 59–63; С. Свердлова, С. Авербах-Свердлова, В. Свердлов, «Брат» в: *О Якове Свердлове. Воспоминания, очерки, статьи современников* (М.: Издательство политической литературы, 1985), с. 25–30. Большая цитата по: Ц. Зеликсон-Боровская, *Профессиональный революционер: очерки жизни и деятельности Я. М. Свердлова* (М.: Старый большевик, 1934), с. 11–12.

Путь к вере начинался с дружбы. Свердлов дружил с Владимиром Лубоцким (впоследствии Загорским, в честь которого переименовуют Сергиев Посад), Кон – с Людовиком Савицким (покончившим с собой в Париже в 1893 году), а Бухарин – с Григорием Бриллиантом (будущим наркомом финансов Сокольниковым). Сын купца Александр Аросев нашел друга в казанском реальном училище.

Однажды мне кто-то сказал, что в параллельном со мною 3-м классе в отделении В есть сильный мальчик Скрябин. Я искал встречи с ним. Однажды в коридоре он мыл под краном губку для доски. Вид он имел несколько мрачный, как, впрочем, всегда. Я подошел к нему и предложил подраться. Скрябин согласился. Нанеся друг другу несколько возбуждающих ударов, мы сцепились мертвой хваткой на удовольствие всего коридора. Не помню, кто из нас победил, но с тех пор мы были с ним знакомы³⁷.

Знакомство вело к разговорам, разговоры – к исповеди, исповедь – к близости. По словам Аросева:

Дружба начинается с того, что один другому приоткрыл такую сердечную тайну, которую никому раньше не открывал. А тайной в юности может быть что угодно: восхищение пролетающими облаками,

³⁷ А. Аросев, *Казанские очерки о революции 1905 года* (К.: Истпартотдел областного комитета РКП(б) Татарской Республики, 1925), с. 16.

восторг от бури, увлечение девушкой, мечта о неизвестных странах³⁸.

Тайной Скрябина была скрипка (он играл в квартете со своими тремя братьями). Тайной Аросева была литература. Их общей тайной стала революция.

Как-то раз [вспоминал Аросев], мы прогуливались по пустынным ночным улицам, запорошенным снегом. Безмолвие улиц делало нас интимными, мороз заставлял немного теснее держаться вместе. Мы взяли под руки. Было далеко за полночь. Из-за углов, от столбов придорожных, от крылечных навесов по темно-блестящему снегу, как по распластанной мелкой чешуе рыбы, ползли неясные тени от шпиков, неотступно «бдящих» за нами. Но на самом деле никаких шпиков не было. Эти тени – неясные зимние ночные переливы серебристых цветов – слушали наши неясные речи, наши слова, которые искрились одним: смертельно-жадным стремлением найти такую истину, чтобы всего себя отдать ей, чтоб бороться³⁹.

Истина таилась в кругу единомышленников. Пройдя через разговоры и исповеди, группы друзей объединялись в кружки.

Семь или восемь учеников пятого класса реального училища сидели на стульях, на кровати и на кушетке низенькой комнаты мезонина,

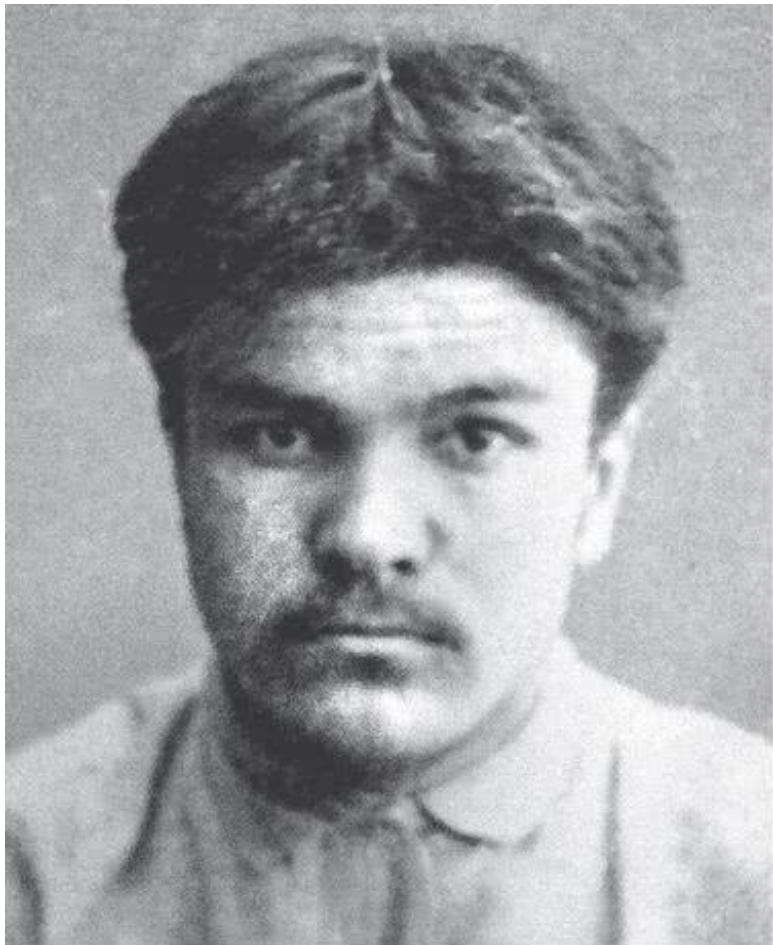
³⁸ А. Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*. «Новый мир», № 1 (1931), с. 87.

³⁹ Там же, с. 87–88.

освещенной керосиновой лампой со стеклянным белым абажуром. Лики Каутского, Энгельса, Маркса, Михайловского, Успенского, Короленко, Толстого строго и покровительственно смотрели со стен. В углу – этажерка с книгами. На корешках их можно было прочесть имена все тех же вдохновителей эпохи, портреты которых жались по стенам.

Александр Аросев

Вячеслав Скрябин (Молотов)
Предоставлено В. А. Никоновым

Воздух напоен был тем ароматом, который ощущается только нервами, как паутинки, протянутые от одного к другому и делающие всех родными и спаянными, кажется, навеки, на долгие века. Молодые люди были едва знакомы друг с другом, но каждый смотрел на других восторженными глазами. Гордился и тем, что он тоже тут с ними, с другими такими же, как он, и тем, что они, другие, такие загадочные и тоже полные огня, – с ним. На лице каждого можно было ясно прочесть: я с сегодняшнего дня, с этой минуты, такой-то, такой-то уже вступил в ряды, в кадры борцов⁴⁰.

Вступив в ряды борцов, реалисты и гимназисты избирали председателя, согласовывали списки литературы и выбирали пароли и прозвища. Скрябин стал Дядей, а позднее – Молотовым; Аросев стал Зетом. В других комнатах и других городах Свердлов стал Андреем, Бриллиант Сокольниковым, Оболенский Осинским, а Воронский – «бледный, тонкий, кудрявый, синеокий юноша с полными, сочными и налитыми кровью губами» – стал Валентином.

Кружок Воронского возник в «пропахших ладаном и елеем» стенах тамбовской семинарии, но члены его – «подростки-замарашки с костлявыми ключицами и нескладно болтающимися руками» – читали те же книги и ходили на такие же собрания.

Клетушка-комната где-нибудь на Первой Долевой,

⁴⁰ Там же, с. 82.

в доме вдовы чиновника. Полинявшие обои, ситцевые занавески на окнах, три-четыре продырявленных стула, стол, железная койка, полка книг и учебников, жестяная лампа с абажуром из полулиста бумаги – кружок около стекла обожжен; свежие лица с пушком на губах; двубортные серые куртки нараспашку, светлые пуговицы выцвели. В темный угол забились две гимназистки в коричневых платьях; у них тугие, не заложенные в прическу косы, одна девушка от застенчивости почти не поднимает глаз. Споры об общине, об отрезках, о героях и толпе, самонадеянный и безоговорочный задор. Старая гитара и мандолина, тихий и меланхолический перебор струн⁴¹.

Их связывали общие книги и свет из-под абажура. Аросев и его единомышленники молча читали подле лампы, с «горячими стаканами чая на маленьком кругленьком столе».

Раскрытые страницы [Плеханова, Писарева, Белинского] настолько заполняли нас, настолько слепили глаза, что, приподняв иногда усталую голову, мы с удивлением видели себя в комнате, затемненной зеленым абажуром лампы. И грешный, грязноватый мир для нас в то время был немного затемнен абажуром, который, однако, неустанно и неистово бросал яркий свет на черные строки по белому полю, на потоки извилистой мысли. Не знаю, как других, но меня обуревал восторг

⁴¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, 16–18.

от вечности, стойкости и чудовищной безбоязненности человеческой мысли. И та мысль была особенно безбоязненной, в которой или вернее за которой чувствовалось что-то еще большее, чем мысль, нечто такое, совсем природное и непостигаемое, и непостижимое, вследствие чего человек не может не действовать в известном направлении, и до того велик порыв его к действию, что сама смерть, если она стоит на пути этого порыва, кажется смехотворным препятствием⁴².

Вступление в «стан погибающих» было главной тайной «порыва к действию». Как писал Кон, с высоты ностальгического бессмертия, «мы все, конечно, были обречены на гибель».

Мое тогдашнее душевное состояние весьма походило на настроение того юноши-рыцаря, который задается целью разбудить спящую царевну, невзирая на ожидающие его личные испытания... А объект всех этих душевных мук и забот – весь трудящийся люд – тоже представлялся мне вроде этой спящей царевны, которую стоит лишь разбудить чудодейственным дуновением социализма, и он проснется, восстанет, сбросит с себя позорное иго рабства, освободит и себя, и всех...⁴³

Способность к дружбе и готовность к смерти отличали

⁴² Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*, с. 88, 90.

⁴³ Кон, *За 50 лет*, т. 1, с. 18.

«отзывчивых» и «юных душой» от «зулусов» («которым, кроме их будущей карьеры и удобств жизни в настоящем, все человечество было совершенно чуждо»). Зулусы делились на «нагих» и «лицемеров». Отзывчивые и юные душой делились на кружки⁴⁴.

Кружки делились в соответствии с уровнем подготовки членов. «Низшие» изучали канонические тексты, «средние» организовывали доклады на заданные темы, «высшие» устраивали формальные лекции и дебаты с приглашенными участниками. Кружки из соседних школ образовывали круги чтения, общения и обсуждения. В училище Аросева все кружки объединялись в единую «беспартийно-революционную организацию» с собственным уставом («своего рода программой краткосрочных курсов для выпуска революционеров обоих родов оружия: эсеров и марксистов»)⁴⁵.

Выбор между эсерами и марксистами происходил после отделения от зулусов и отличался от первоначального прозрения подчеркнутой публичностью и рациональностью. Когда ветеранам кружка Осинского из московской гимназии № 7 исполнилось шестнадцать лет, они решили «окончательно политически самоопределиться» и организовали семинар по истории революционного движения под руковод-

⁴⁴ Там же, с. 19.

⁴⁵ Аросев, *На боевых путях. Воспоминания* с. 91; А. Аросев, *Как мы вступали в революционную работу* (Москва – Ленинград: Московский рабочий, 1926), с. 66–67; *Деятели СССР*, с. 569–570.

ством студента МГУ Платона Лебедева (будущего Керженцева). Осинскому достался реферат о декабристах.

Засев на три месяца в Румянцевскую библиотеку, я прочел все, что можно было достать по этому вопросу, и представил свой реферат. Мне всегда было свойственно усиленное сопротивление всему «модному», воспринимаемому интеллигенцией в порядке «психической заразы». Тогда мне казался «модным» течением стихийно распространявшийся среди интеллигенции марксизм (для интеллигенции, для части моих же товарищей, он и оказался только модой). Я усиленно старался поэтому дать декабристскому движению *не* марксистское объяснение. Это объяснение стало в противоречие мною же разработанным фактам, оно сбивалось в бессодержательно-либеральную колею. Небольшого труда стоило Лебедеву-Керженцеву при явном сочувствии моих сотоварищей разбить меня наголову. Добросовестно поразмыслив над причинами своего «поражения», я пришел к убеждению, что шел по неверному пути и что старик Маркс, видимо, совершенно прав. Революция 1905 года давала тому много и еще более осязательных доказательств⁴⁶.

В Казани Аросев (Зет) и Скрябин (Молотов) само-

⁴⁶ *Деятели СССР*, с. 570. Крупнейшая коллекция воспоминаний старых большевиков хранится в РГАСПИ ф. 124, оп. 1 (Общество старых большевиков). Все цитируемые воспоминания из ф. 124 принадлежат жильцам Дома правительства.

определились без достаточной научной подготовки. Весной 1907 года, в возрасте семнадцати лет, они решили испытать свои убеждения посредством «генерального сражения» на осеннем заседании беспартийно-революционной организации. Аросев должен был прочитать реферат на тему «Философское обоснование партии с.р.», а Скрябин – «Философское обоснование с.-д. партии». По воспоминаниям Аросева:

Мы с В. Скрябиным запаслись соответственной литературой, удалились от шума – он в Вятскую губернию, а я в деревню Малые Дерышки – и погрузились в Маркса, Михайловского, Энгельса, Лаврова, Плеханова, Делевского... При этом мы решили оба читать одну и ту же литературу, с тем чтобы при споре мне были совершенно знакомы его источники, а ему – мои.

В течение трех месяцев они читали, размышляли, составляли конспекты и писали друг другу письма. «Это были не письма, а теоретические доклады и контрдоклады, своеобразные письменные зачеты по пройденному курсу». В конце лета они снова собрались в комнате Скрябина.

Августовские тихие сумерки смотрели в большие окна. Мы видели, как во дворе ходят куры и кошка вытягивает шею у водосточной трубы. Комната незаметно темнела. Со стены смотрела на нас картина – копия с Айвазовского «Прибой волн», сделанная Николаем Скрябиным [братом Вячеслава].

На столе утомленным тихим жужжаньем дышал самовар, и вокруг него стояли чашки с недопитым чаем, и какая-то объемистая книга лежала недочитанной, открытой.

Внезапно Аросев объявил, что не сможет выступить от имени эсеров, потому что летнее чтение убедило его в превосходстве марксизма над народничеством. Немного помолчав, Скрябин сказал, что в таком случае и он выступать не будет. На общем собрании заявление двух друзей было встречено «горячими аплодисментами на одной стороне и гулом неодобрения – на другой. Марксисты долго горячо аплодировали. Эсеры угрюмо, растерянно гудели. Но никто не назвал Зета изменником. Чувствовали, что с Зетом произошел крутой идейный поворот, что он перешагнул порог, перешел грань от стихийного мироизучения к сознательному пониманию мира»⁴⁷.

Не все дебаты кончались так быстро – даже в памяти победителей. В «решительном сражении» с участием Бухарина две команды гимназистов, усиленные одним студентом-эсером, сошлись для обсуждения самых главных вопросов: рабочий класс или народ, расчет или подвиг, объективизм или субъективизм, законы развития или российские условия. Марксисты говорили, что эсеры ставят героев над мас-

⁴⁷ Аросев, *Как мы вступали*, с. 68–71, кроме цитат о письмах и горячих аплодисментах, взятых из: А. Аросев, *На боевых путях. Продолжение*. «Новый мир», № 2 (1931), с. 85, 87.

сами; эсеры отвечали, что Ленин делает то же самое; большевики утверждали, что их вожди объективно представляют интересы трудящихся; эсеры возражали, что большевики «убили всякую свободу критики в своей среде и хотят эту казарму распространить на все и вся». Большевики отвечали цитатой из Ленина:

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдете в это болото! – а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! – О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватаясь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми,

кто поворачивает к болоту!⁴⁸

На этом большевики объявили себя победителями и прекратили дебаты. Все поднялись и по одному («исключение для девиц!») вышли из прокуренной комнаты с тяжелыми бордовыми шторами «в один из глухих переулочков Арбата», недалеко от гимназии № 1. «На улице было тихо... Шаги гулко отдавались по переулочку... Шел крупными хлопьями снег... Бесшумно падали, выплывая из тьмы и кружась у фонарей, белые снежинки и покрывали мягким рыхлым пуховиком тротуары, тумбы, сани и спину полужаснувшего на углу и не совсем трезвого извозчика...»⁴⁹

По мере того как «революционные организации» вливались в подпольные партии, юные революционеры переходили от чтения и разговоров к чтению и написанию статей (первая статья Осинского была посвящена «утилитарному обоснованию этики»), чтению и распространению листовок (первая листовка Воронского гласила: «Слышен лишь звон цепей и ключей, скрежещут засовы, но уже брезжит рассвет, встанет солнце социальной независимости и равенства, солнце труда и свободы»), чтению и перевозке нелегальной литературы, печатанию прокламаций, организации митингов и, в случае эсеров-максималистов, изготовлению бомб и убийству чиновников. Гимназисты, реалисты, семинаристы, кур-

⁴⁸ В. Ленин, *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 6 (М.: Политиздат, 1963), с. 9–10 (<http://uaio.ru/vil/06.htm>).

⁴⁹ Бухарин, *Времена*, с. 316–37.

систки, медички, студенты и вечные студенты жили «живой верой» и упоением борьбы с болотом⁵⁰.

В 1909 году двадцатилетний Валериан Куйбышев – выпускник Сибирского кадетского корпуса, студент Томского университета и большевик с четырехлетним стажем – был арестован за распространение запрещенных книг. Его отец, воинский начальник Каинска (и, по воспоминаниям сына, «служилый человек» в традиции капитана Миронова из «Капитанской дочки»), был вызван к бригадному генералу Масленникову.

В подавленном состоянии отец приехал в Омск и явился к генералу Масленникову. Сразу как он вошел, генерал набросился на него с руганью:

– Вы не умеете воспитывать своих детей, как же вы будете воспитывать своих солдат? Вы даете свой адрес для крамольной литературы. Это позор. Вас надо расстрелять.

Генерал Масленников кричал в продолжение получаса. Отец стоял навывтяжку, руки по швам, не имея

⁵⁰ *Деятели СССР*, с. 569; А. Воронский, *Рассказы и повести* (М.: Советская литература, 1933), с. 30; Кон, *За 50 лет*, т. 1, с. 18. О культуре и мифологии революционного движения см.: М. Могильнер, *Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа* (М.: НЛЮ, 1999); о культуре студенческого радикализма см.: Susan K. Morrissey, *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism* (New York: Oxford University Press, 1998); о еврейском радикализме см.: Inna Shtakser, *The Making of Jewish Revolutionaries in the Pale of Settlement* (New York: Palgrave Macmillan, 2014).

права возражать, пока говорит начальство.

Генерал Масленников, вдоволь накричавшись, вдруг делает паузу, закрывает лицо рукой и говорит:

– Вы переводитесь в Тюмень.

Надо сказать, что Тюмень значительно больший город, чем Каинск. Это означало повышение по службе. В Каинске отец был воинским начальником третьего разряда. Назначение в Тюмень делало его воинским начальником второго разряда.

Отец остолбенел:

– Ваше превосходительство, быть может, я ослышался?

– Вы переводитесь в Тюмень.

Снова пауза.

– У меня самого два сына в киевской тюрьме сидят⁵¹.

⁵¹ В. Куйбышев, *Эпизоды из моей жизни* (М.: Старый большевик, 1935), с. 32–35. См. также: *Валериан Владимирович Куйбышев. Биография* (М.: Политиздат, 1988), с. 33–35.

* * *

Главной работой революционеров была «пропаганда и агитация». «Пропаганда» заключалась в перенесении кружков «в массы». Кружок Воронского собирался в подполье.

Подвал скудно освещался лампой, пахло керосином, махоркой. Окна завешивались. Кидая мрачные, уродливые тени, рабочие молча рассаживались у стола, покрытого темной клеенкой, изрезанной и залитой чернилами. В комнате было холодно. Пододвигалась железная печка; прибавлялся запах дыма, от него першило в горле, ело в глазах. Вспоминались таинственные собрания заговорщиков, но лица собравшихся были обычны. Никита сурово и хозяйственно оглядывал членов кружка, точно проверял их, стучал по столу казанком пальца или карандашом, торжественно произносил:

– Слушайте товарища лектора⁵².

Пожилой рабочий Никита «любил «ученость», книги и газеты читал, надев старые очки, шуток над собой не признавал и сам шутить не любил и не умел». Ученость лектора частично компенсировалась неловкостью, которую он испытывал перед людьми, чья неученость компенсировалась мужской зрелостью и искупительной миссией пролетариата⁵³.

⁵² Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 229–230.

⁵³ Там же, с. 224–225.

«Агитация» состояла в произнесении речей на заводах и уличных митингах. Речи должны были быть короткими и по делу. Дело, согласно инструкциям для агитаторов, заключалось в разжигании «ненависти слушателей» к самодержавию. Воронский говорил «залпом, без передышки, сильно жестикулируя руками»⁵⁴.

Помню такой случай. Я витийствовал на открытом летучем митинге, забравшись на площадку товарного вагона. Внизу передо мной стояла толпа железнодорожников. Я самозабвенно предвещал «час мести и расплаты», убеждал вдохновенно «не поддаваться провокации», «стоять до конца», неистовствовал в призывах и не скупился на лозунги, но в припадке революционного пафоса я не заметил, как вагон лязгнул, толкнулся с места, и на глазах удивленных рабочих я поплыл сначала тихо, потом быстрее – вперед и дальше, размахивая руками и бросая пламенные слова⁵⁵.

Пламенные слова, изреченные или прочитанные, – главное оружие миссионера. Воронский и его товарищи витийствовали независимо от того, едет ли поезд. Чтение (про себя или вслух) было частью общения; письменная речь (особенно ленинская) извергалась залпом и без передышки. Редкие паузы в партийных автобиографиях – моменты немоты

⁵⁴ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М, 1934), с. 136; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 115.

⁵⁵ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 118.

в угаре чужого красноречия (Ленина, Троцкого, Чернова). Революционеры были вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми одновременно.

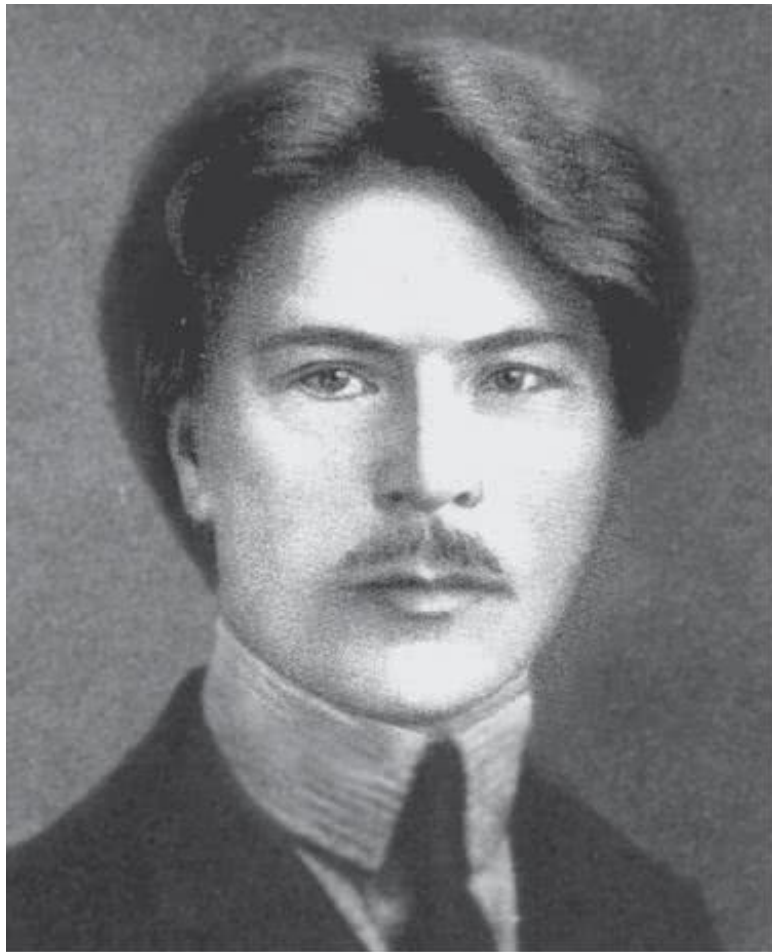
Социалистическое миссионерство отличалось от христианского в двух отношениях. Во-первых, оно не было универсальным. Христианская проповедь обращена к каждому; социалистическая рассчитана на рабочих или крестьян. Кальвинисты, проповедовавшие спасение избранных, не знали, кто и почему избран. Социалисты, верившие в особую миссию пролетариата, не сомневались, из кого состоит коренное население Царства свободы. Первые проповедники коммунизма могли быть кем угодно – и в реальности были почти исключительно «студентами», – но главным смыслом их агитации и единственным шансом на приход революции было обращение обращаемых. Принц пришел разбудить спящую красавицу, а не ее уродливых сводных сестер.

Большевики были наиболее последовательны в этом отношении. Меньше других доверяя «стихийности» («классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне», – писал Ленин в «Что делать?»), они больше всех полагались на проповедь. А проповедь требовала организационных усилий. Как говорилось в инструкциях для агитаторов, «излагая роль нашей партии как передового отряда рабочего класса, вы не должны забывать, что наша партия есть борющаяся армия, а не клуб для беседований». И, как сказал член бухаринского клуба для бесе-

дований: «Оппонент пугал нас казармой. А я слов ни капли не боюсь. Есть казарма и казарма, как есть солдаты и солдаты. Мы строим нашу партию не как, извините, сброд разнокалиберных лебедей, раков и щук, а как партию единомышленников, и притом как военную партию. Да, как военную». Залогом успеха была харизма вождя. Ленин был плодом и гарантией единства единомышленников⁵⁶.

Вторым отличием социалистической проповеди от христианской был ее интеллектуализм (склонность к беседам). Большинство перешедших из православия в протестантизм стремились к личному спасению и духовному самосовершенствованию. Социалисты стремились к тому же, но шли гораздо дальше. Вступление в кружок было введением в интеллигенцию (сочетание учености и апокалиптичности). Обращение вело к повышению не только духовного, но и социального статуса. Студенты-пропагандисты призывали рабочих становиться студентами, не переставая быть рабочими. Новообращенным предстояло сыграть особую роль, потому что они были пролетариями. Чтобы сыграть ее правильно, им надлежало стать интеллигентами.

⁵⁶ Ленин, *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 6, с. 79 (<http://uaio.ru/vill/06.htm>); Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2, с. 137; Бухарин, *Времена*, с. 336.

Павел Постышев

Сочетание пролетарской избранности с книжной ученостью – самоутверждение путем преобразования и социальный рост без предательства – привлекало некоторых рабочих. Как сказал один из учеников Воронского: «Чудное дело, – с очками промежду нас появились и служат нам, ей-богу! А почему служат? Потому служат, что силу нашу несметную понимать стали, потому – он ударял себя в грудь, – потому: пролетарии всех стран, объединяйтесь! Очень даже просто...» И как писал Кон, развивая популярную сказочную метафору (которую Воронский использовал в заглавии своих мемуаров): «Работа шла успешно. Сонное царство, взбрызнутое живой революционной водой, просыпалось, оживало»⁵⁷.

Карлу Ландеру, сыну латышских батраков, было пятнадцать лет, когда он впервые увидел Первомайское шествие и ощутил «небывалую силу, которая притягивала к себе, влекла, возбуждала». «Мир рабочих, – писал он, – я знал хорошо по их повседневной будничной жизни (родственные связи, близкие знакомые и т. п.). И вдруг он предстал передо мной в совершенно новом свете, с новой неожиданной стороны, как носитель и обладатель какой-то великой тайны и силы». Под влиянием «христианского социалиста», духов-

⁵⁷ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 229; Кон, *За 50 лет*, с. 49. См. также: Kanatchikov, *A Radical Worker in Tsarist Russia*, с. xv – xxx (вступление от редактора) и Reginald E. Zelnik, «Russian Bebels: An Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semën Kanatchikov and Matvei Fisher», *Russian Review*, т. 35, № 3 (July 1976), с. 288–289.

но вышедшего из «крестьянских войн эпохи Реформации», Ландер «бросил все» и отправился на поиск истинных коммунистов. Духоборы, к которым он примкнул, не оправдали его надежд, потому что они не читали светских книг, а он верил в необходимость «учиться много и усердно». Полиция предоставила ему такую возможность, посадив в тюрьму, где он научился проводить «ночи напролет в оживленной беседе». «Выяснив много нерешенных вопросов», он вступил в социал-демократический кружок, «связанный общими идейными интересами и тесными узами дружбы»⁵⁸.

Павел Постышев, «ситцепечатник» из Иваново-Вознесенска, попал во Владимирский централ в 1908 году, в возрасте 21 года. Его спасительницей стала жена местного врача, Любовь Матвеевна Белоконская, которая поставляла заключенным еду, деньги, книги и фиктивных невест. Четыре года спустя он писал ей из «вечной ссылки» на Байкале:

Дорогая Л. М., я человек рабочий и горжусь, что принадлежу к этому классу, потому что ему предстоит сделать великое дело. Дорожа своим званием или титулом, титулом пролетария, и чтобы носить его чистым, ничем не марать, в особенности нам, сознательным пролетариям, я не должен лицемерить перед Вами. Вы, отдавая себя великому делу рабочих, нам ли не любить Вас, как любят дети свою добрую

⁵⁸ *Деятели СССР*, с. 476–479.

Донецкий шахтер Роман Терехов писал, что в возрасте пятнадцати лет стал задаваться вопросом, почему одни люди, «ничего не делая, живут в роскоши, а другие, работая день и ночь – в нужде».

Это во мне возбудило полную ненависть к лицам неработающим и хорошо живущим в особенности к начальству. Моя цель была во чтобы то нистало добиться того, чтобы встретить человека, который бы разгадал сплетенный жизненный узел. Этого человека я нашел в лице инструментальника механической мастерской Данила Огуляева. Он объяснил мне причины этой жизни. После этого я полюбил его и всегда исполнял все его поручения и задания, которые возлагались на меня, как то: разбрасывая прокламации, расклеивал их на видных местах и т. д., а также стоял дозорным, когда проходили тайные собрания.

Один раз ему удалось послушать выступавших.

Темная ночь, колючая степь, мы все шагаем к лесу, где ожидал нас 1 товарищ, который указал место собрания. На собрании присутствовало человек 50. Доклад делал какой то молодой человек, другой выступил против него. Этот спор мне не понравился, и я очень жалел, что они не ладили между собой.

⁵⁹ Павел Постышев: воспоминания, выступления, письма (М.: Политиздат, 1987), с. 46; Ю. Дмитриев и др., *Улицы Владимира* (Я.: Верхневолжское книжное издательство, 1989), с. 17–19.

С таким осадком я возвратился домой. И если осталось, что ценное, из этого собрания – это слова одного из товарищей, что нужно вооружаться.

Терехов решил начать вооруженную борьбу с убийства механика в своем цеху, но не сумел найти подходящего орудия. Вскоре студент-пропагандист показал ему номер «Правды», и он организовал «кружок для коллективного чтения газеты»⁶⁰.

Василий Орехов рано осиротел и, проработав несколько лет пастухом в родной деревне, убежал в Москву. В десять лет он поступил на кондитерскую фабрику «Реноме» (один из основных конкурентов Эйнема), но вскоре был уволен «за недопущением нанести себе побой». В семнадцать, работая поваром в гомеопатической больнице, он познакомился с медсестрой по фамилии Александрова. Как он писал в неотредактированной автобиографии в середине двадцатых годов:

Александрова меня готовила Политграмоте и Профдвижению подготовив мое сознание и знание понимания учла мое социальное положение и мною все прожитое мой дух мое настроение и влечение к знанию и работе, проще сказать с Июля месяца 1901 года по Март месяц 1902 года я у Александровой был испытуемым. В марте месяце меня зачислили в кружок с-димократов.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 124, оп.1, д. 1919 (Р. Я. Терехов), л. 1–2 об.

Сменив еще несколько мест и претерпев несколько побоев, Орехов вступил в большевистский кружок, выступил с речью о значении первого мая и поступил на работу в ящичную мастерскую Куделькина. Там он долго не задержался.

В 1908 году, я был из Москвы выслан за то, что надел КУДЕЛЬКИНУ на голову, чашку со щами и обварил всю голову, в то время у хозяйчиков для рабочих хорчи были хозяйские КУДЕЛЬКИН в пост, готовил отвратительные харчи из червивой капусты, наворил щей, я предложил КУДЕЛЬКИНУ сменить червивые щи, но КУДЕЛЬКИН сказал: «что дают, то и жрите», за это я ему и надел чашку со щами, за что и сидел 2-е недели и Рогожским частным приставом – выслан из Москвы.

Приехав в Подольск, Орехов вступил в местный большевистский кружок и начал работать пропагандистом⁶¹.

«Верования и моральные устои», с которыми Семен Канатчиков приехал из деревни в Москву, «начали колебаться» на заводе Листа на Болоте. Один рабочий рассказал ему, что ад ничем не отличается от болота, в котором они живут, мощи святых ничем не отличаются от египетских мумий в Историческом музее, а правоту атеистов легко доказать на примере рождения из ничего червяков и личинок («а потом из букашки будет другая тварь развиваться, и так

⁶¹ Там же, д. 1429 (В. А. Орехов), л. 3–4 об.

далее, и в продолжение четырех, пяти, а может, и десяти тысяч лет дойдет и до человека»). Прозрение пришло из книги «Что должен знать и помнить каждый рабочий».

Всю неделю я находился в состоянии какого-то экстаза, как будто взобрался на высокие ходули, отчего все люди мне представлялись какими-то букашками, жуками, роющимися в навозе, а я один постигнул механику и смысл бытия... Из артели я уехал и поселился вместе с одним товарищем в отдельной комнате. Перестал ходить к попу на «исповедь», не посещал церквей, а по постным дням начал есть «скоромное»⁶².

Рабочие, как и студенты, приходили к истинной вере благодаря сочетанию врожденного нравственного чувства со знаниями, почерпнутыми из книг и разговоров. Но если студенты «перешагивали порог» в обществе других студентов, то рабочие, по их воспоминаниям, нуждались в руководстве «извне». Как сказал один из них, «видно, не скоро проснется рабочий народ». И как писали (в один голос) Ландер и Канатчиков, «звание студента было синонимом революционера-бунтаря»⁶³.

По свидетельствам очевидцев, образцовым революционером-бунтарем был Яков Свердлов. «Среднего роста, с шеве-

⁶² Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 1, с. 26–28.

⁶³ Там же, с. 27, 84; *Деятели СССР*, с. 477; П. Быков, «Мои встречи с Я. М. Свердловым» в: *О Якове Свердлове*, с. 45; С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 28.

люрой черных волос, в постоянном пенсне на носу, в русской косоворотке под студенческой курткой, Свердлов был похож на студента, а с понятием «студент» для нас, молодежи, да и для рабочих было связано понятие «революционер». Теоретически революционером мог стать любой человек, достигший определенного уровня сознательности, а «студентом» – любой сознательный революционер, надевший очки и пиджак поверх косоворотки. (Свердлов бросил гимназию, никогда не учился в университете и начал одеваться как студент, став профессиональным революционером.) На самом деле Орехов, Терехов, Постышев, Канатчиков и другие рабочие не могли стать студентами, что бы они ни надевали. Первой причиной была их речь, стиль, вкусы, жесты и другие родимые пятна, не всегда совместимые с преображенным сознанием. Второй – «злая судьба пролетария» и «вечная погоня за несчастным куском хлеба». «Когда душа просит света, кричит и рвется из объятий непроницаемой тьмы, – писал Постышев Белоконской, – тело подавляет крик душевный стоном о хлебе. Как все это тяжело!»⁶⁴

Третьей было одиночество. По словам Канатчикова:

Редки бывали случаи, когда интеллигент резко обрывал связи со своими буржуазными или мелкобуржуазными родственниками... Обычно было так, что даже и отлучившие от своего семейного очага непокорное чадо сердолюбивые родственники

⁶⁴ Павел Постышев, с. 52.

смягчались, проникались жалостью к арестованному страдальцу и начинали проявлять усиленную о нем заботу. Ходили к нему на свидание, снабжали всем необходимым, хлопотали перед начальством, просили о смягчении его участи и так далее⁶⁵.

По рассказам сестер Свердлова Сары и Софьи и его брата Вениамина, их отец был вспыльчивым, но «покладистым» человеком, который быстро смирился с тем, что его дом стал «местом встреч нижегородских социал-демократов», а граверная мастерская – складом революционных прокламаций и фальшивых печатей. Отец Воронского, священник, умер, когда тот был ребенком, но его литературный двойник, отец Христофор, приехал в семинарию провести сына и вместе со всеми пил за марксизм, террор, русскую литературу, новые машины и, по просьбе сына, «за неравный бой, за смельчаков, за тех, кто отдает себя, ничего не требуя». («За духовенство» семинаристы пить отказались.) В 1906 году сестра Куйбышева отправила отцу телеграмму о том, что Валериан «арестован и предан военно-полевому суду». Про военно-полевой суд было известно: «сегодня арестовали и максимум через 48 часов приговор, причем приговор или оправдательный или смертная казнь. Другого приговора военно-полевой суд не знал». По рассказу Куйбышева, записанному в начале 1930-х:

Получив эту телеграмму, мой отец обезумел:

⁶⁵ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 1, с. 87.

не теряя ни одной минуты, помчался на лошадях (Кузнецк в то время не был соединен железнодорожной линией с Сибирской магистралью) к железной дороге, для того чтобы быстрее приехать в Омск. Он рассказывал, что истратил на это путешествие огромную для его бюджета сумму, так как требовал такой скорости движения, что неоднократно падали лошади.

Прибыв в тюрьму, Куйбышев-старший обнаружил, что сын предстанет перед военно-окружным, а не военно-полевым судом. Валериан ничего не знал о телеграмме.

Семен Канатчиков

Когда мне сообщили, что приехал мой отец и пришел

ко мне на свидание, мне было крайне неприятно. Я думал: начнутся упреки (это был мой первый арест), слезы, уговаривание. Придется поссориться с отцом, и поссориться окончательно.

О содержании телеграммы сестры моей я, конечно, не знал. Нехотя, настроив себя на решительный отпор всяким попыткам добиться от меня хотя бы каких-нибудь уклонений от взятой мною линии жизни, я пошел в камеру для свидания. Вхожу и вдруг вижу отца не сердитым, а детски смеющимся, со слезами на глазах, он бросился ко мне с объятиями. Целует, обнимает, радуется, как-то щупает меня всего, по-видимому желая осязать меня, не веря, что я жив.

Я недоумеваю.

– Отец, в чем дело, почему ты так рад?

Он мне рассказал историю с телеграммой.

Вот так мой отец принял мой первый арест, и ошибка моей сестры совершила очень хорошую службу в том отношении, что примирила моего отца с выбранным мною путем⁶⁶.

«Другое дело – рабочий, – пишет Канатчиков. – Никаких уз, никакого «очага» и никаких связей в стане тех, кто его угнетает, он не имеет». Его семья вряд ли примирилась бы с выбранным им путем, а он вряд ли примирился бы со своей

⁶⁶ С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 25–30 (цитата на с. 29); А. Воронский, *Избранная проза* (М.: Художественная литература, 1987), с. 20–21; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 40–41; Куйбышев, *Эпизоды*, с. 30–32.

семьей (которую называл «болотом»)⁶⁷.

Обычно, как только рабочий становился сознательным, его уже не удовлетворяла окружающая среда, он начинал ею тяготиться, стремился общаться только с себе подобными и пытался проводить свое свободное время более осмысленно и культурно. С этого момента начиналась его личная трагедия. Если это был пожилой семейный рабочий, у него сейчас же возникали конфликты в семье, в первую очередь – с женой, чаще всего отсталой, малокультурной. Она не понимала его духовных запросов, не разделяла его идеалов, боялась и ненавидела его друзей, ворчала на него и ругала за непроизводительные расходы на книжки и другие культурные и революционные цели, а главное – опасалась лишиться кормильца. Если это был молодой рабочий, он неизбежно вступал в конфликт с родителями или близкими, которые имели над ним ту или иную власть. На этой почве у сознательных рабочих создавалось отрицательное отношение к семье, к женитьбе и даже к женщине⁶⁸

⁶⁷ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М: Московское товарищество писателей, 1934), с. 88.

⁶⁸ Канатчиков, *Из истории моего бытия* (М: Земля и фабрика, 1929), с. 85–86.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.